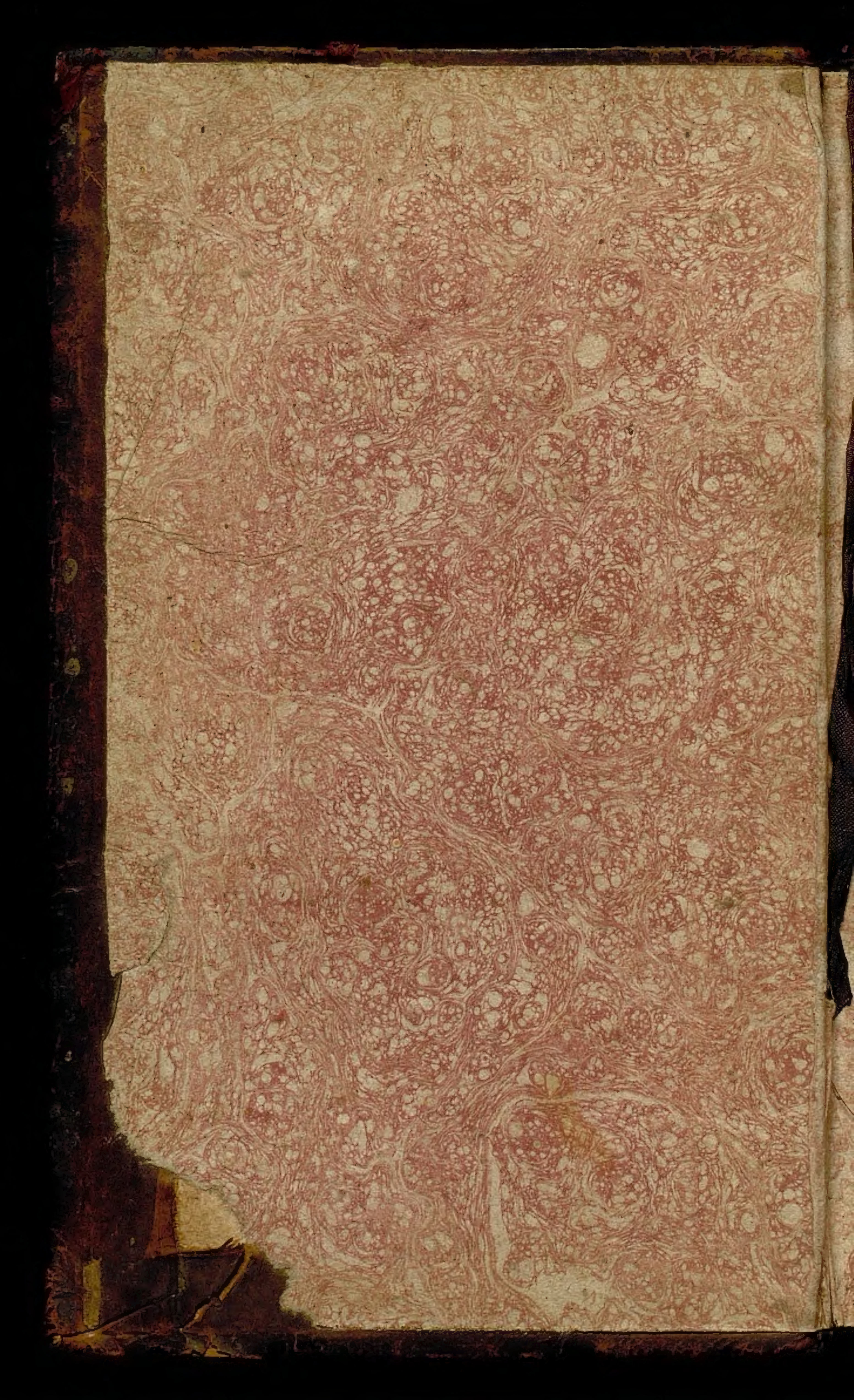
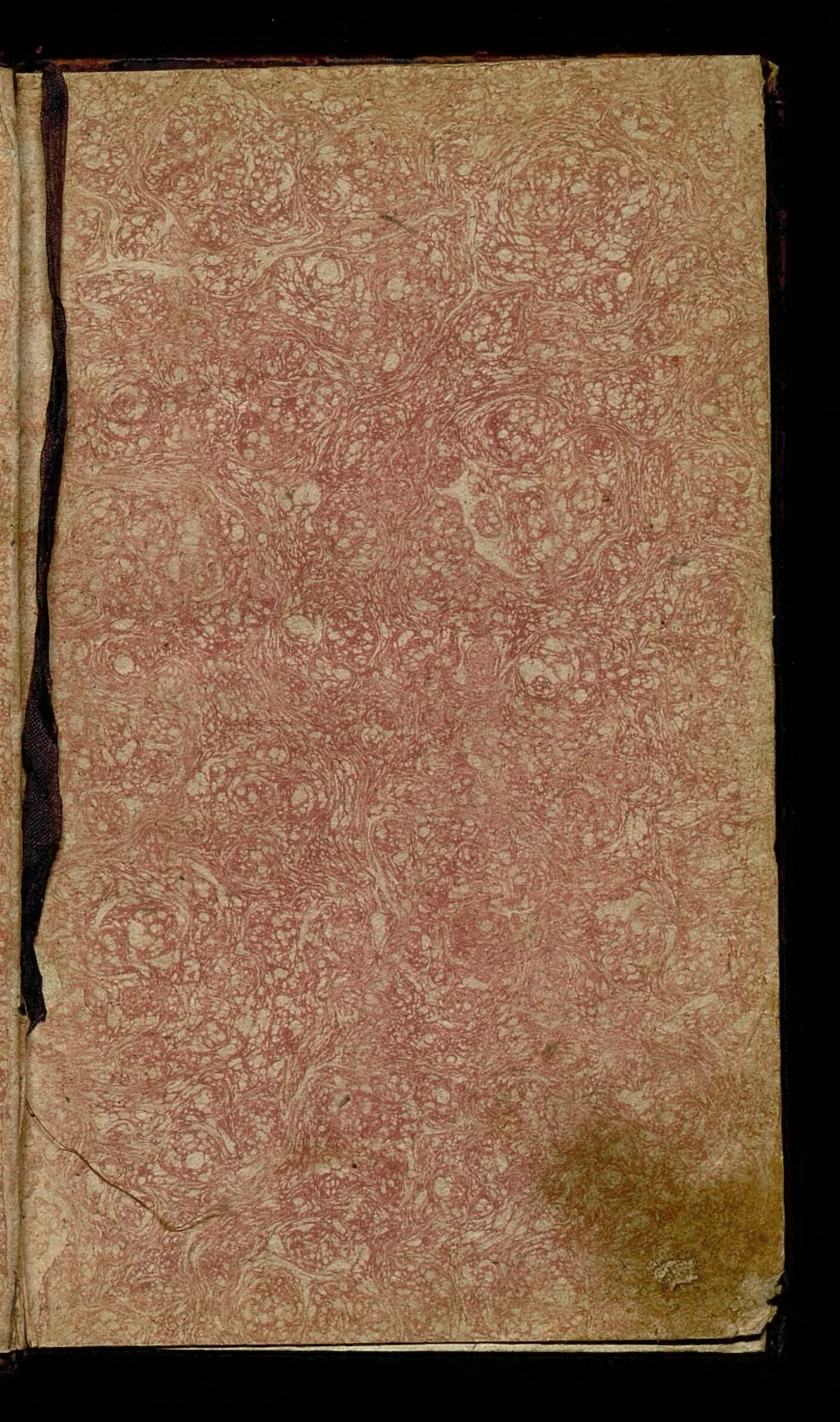
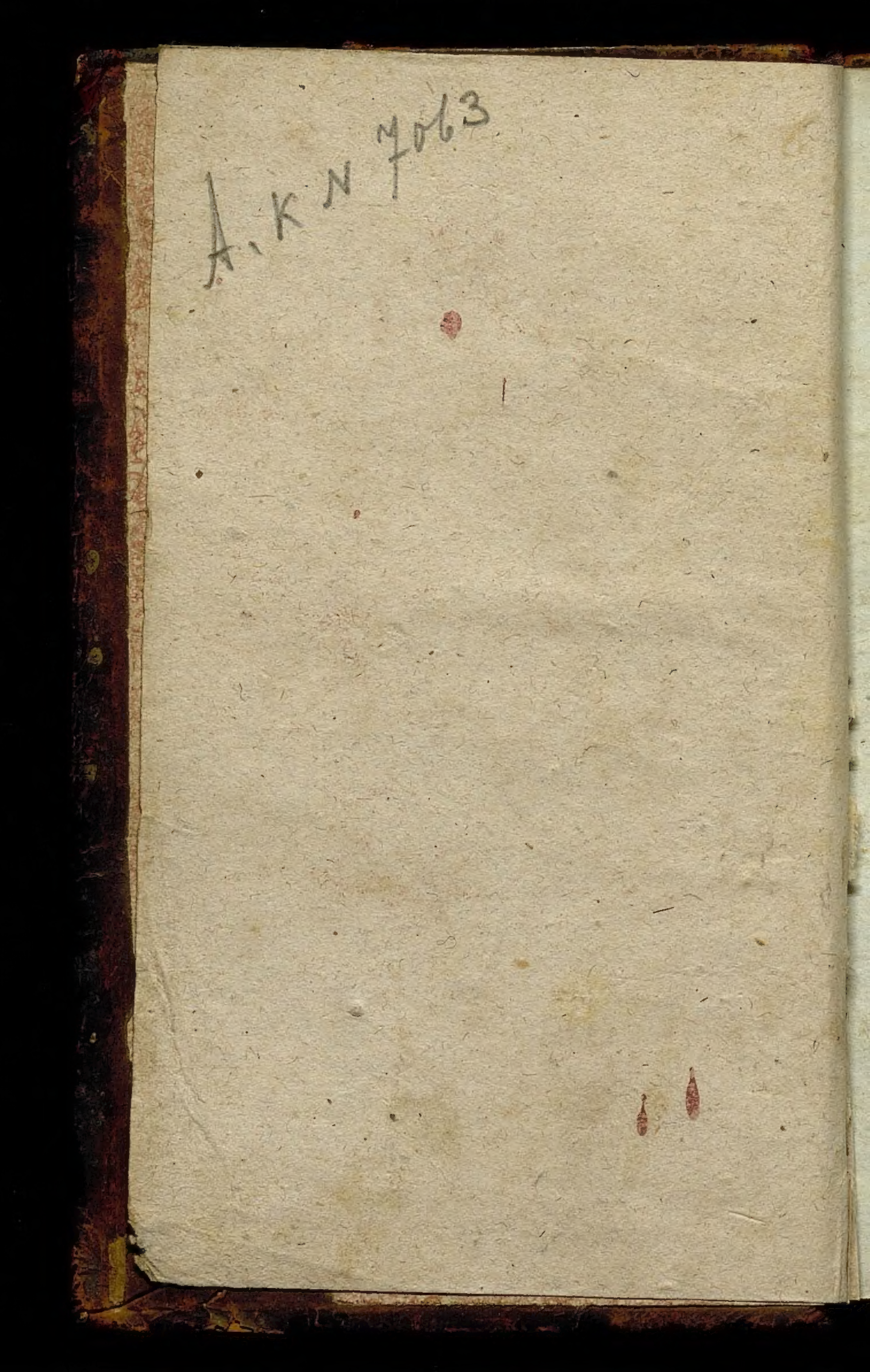

A. K N 7063

СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ
ИППОЛИТА ѲЕДОРОВИЧА БОГДАНОВИЧА.

СОБРАНЫ И ИЗДАНЫ

ПЛАТОНОМЪ БЕКЕТОВЫМЪ.

Изданіе второе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1818.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Академіи Наукъ. Ноября 22 дня 1817 года. *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

СУГУБОЕ БЛАЖЕНСТВО,

ПОЕМА.

ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЫСОЧЕСТВУ,
ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ
И
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,
ВСЕРОССІЙСКАГО ПРЕСТОЛА
НАСЛѢДНИКУ,
МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ:

Залогъ, врученный намъ отъ щедрыя Судьбины,
Ко продолженію щастливыхъ нашихъ лѣтъ,
Дражайшій даръ Небесъ и даръ Екатерины,
Надежды общія пріятнѣйшій предметъ,
О! Ты, который всѣхъ съ щедротою внимая,
Ко подданнымъ Твоимъ являешь кроткій зракъ,
Великій Князь, позволь, чтобъ Муза молодая
Желаній искреннихъ Тебѣ явила знакъ;
Позволь, чтобъ для Тебя я лиру днесь настроилъ,
Котору удостой и нынѣ такъ пріять,
Какъ оную пріять Ты прежде удостоилъ,
Когда дерзалъ я пѣть Твою преславну Мать.
Дерзаю посвятить Тебѣ я ону лиру,
Котора можетъ быть впослѣдокъ возвѣститъ

Твои великія дѣла пространну міру,
И славу до краевъ земныхъ Твою про-
мчитъ,
Провозгласитъ Твое премудро попеченье,
Твою къ Отечеству и къ истинѣ лю-
бовь,
И къ подражанію преславныхъ дѣлъ
стремленье,
Коль свѣту Ты явишь собой примѣры
вновь.

Превзыдешь ты свое желаніе Россія,
Пророчествующій я слышу въ небѣ
гласъ:
Ты будешь времена имѣть всегда зла-
тыя,
И пѣсней не прерветъ ликующій Пар-
нассъ.

СУГУБОЕ БЛАЖЕНСТВО,

ПОЕМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою сугубаго причину благоденства,
Источникъ щастія и бытіе времень,
Которы на земли открыли путь блаженства,
И лучшій жребій намъ чрезъ множество премѣнъ.
Въ селеніи небесъ пространномъ обитая,
Спусти ко мнѣ свои пресвѣтлыя лучи,
Твоимъ вліяніемъ, о Истина святая,
Внушить твой смертный гласъ мой разумъ научи;
Вдохни въ меня твои божественны законы,
Представь, какъ смертные въ природномъ бытіи
Пріяли отъ тебя и скиптры и короны,
Дабы предписывать уставы намъ твои;
Представь передъ очми ты ПАВЛА молодаго
Начальный въ естествѣ благополучный вѣкъ.
Какъ числилъ всякъ свое въ спокойствѣ общемъ благо,
Какъ самъ давалъ себѣ законы человѣкъ,
Когда онъ истину любилъ безпричужденно,
Не бывъ никаковымъ уставамъ покоренъ,
Какъ время наконецъ то стало быть премѣнно

И какъ сугубымъ былъ онъ щастьемъ награжденъ.
А вы откройте путь въ жилище ваше дивно,
О Музы! я умомъ взнестись отважусь къ вамъ,
Въ мѣста, гдѣ царствуетъ весна безпрерывно,
И гдѣ сооруженъ божественный вашъ храмъ,
Гдѣ свѣтитъ вѣчной день и мракъ незнаемъ нощи,
Гдѣ ревностнымъ сердцамъ всегда отворенъ входъ;
Позвольте мнѣ вступить въ священны ваши рощи,
И оживляющихъ коснуться вашихъ водъ.
Но Музы! я не съ тѣмъ вхожу въ вашъ храмъ почтенной,
Чтобъ вымышленными примѣрами боговъ,
Высокопарностью и красотой надменной
Украсить искренность моихъ усердныхъ словъ.
Я съ Пиндаромъ не тщусь быть славою возвышенъ,
Не славнымъ въ свѣтѣ я, полезнымъ быть хочу;
Коль гласъ мой въ простотѣ межъ вами будетъ слышенъ,
Я всю свою тогда награду получу.
Лишь тѣмъ должна быть пѣснь моя красна и стройна;
Коль мѣста въ ней имѣть не будетъ подла лесть,
Коль будетъ ПАВЛОВА пріятія достойна,
Коль истину предъ Нимъ потщится превознесть.

* *
*

Се книга вѣчности разгнулась предо мною,
Гдѣ всѣ представились прешедши времена,
И всѣ, вмѣщенныя обширностью земною,
Безчисленныя въ ней явились племена.
Открылся образъ мнѣ первоначальна вѣка,
Въ которомъ царствовалъ еще природы гласъ;
Изъ нѣдръ небытія изшедша человѣка
Я вижу на земномъ пространствѣ въ первой разъ;
Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Одними чувствами своими наученъ,
Какъ каждой взоръ ему казалъ его блаженство
И каждымъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ.
Пять чувствъ ему даны на то едино были,
И естество на то познанье имъ дало,
Дабы они къ его довольствію служили.
Не зналъ онъ ихъ тогда употреблять во зло,
Невинности его не развращали страсти,
Въ довольствѣ лучшаго довольства не искалъ,
Онъ только то желалъ, что онъ имѣлъ во власти,
И слѣдственно имѣлъ онъ все то, что желалъ.

Въ согласіи узря и тишинѣ пріятной
Изшедшихъ изъ своей утробы мирныхъ чадъ,
Земля, казалося, дарила плодъ стократной
И представляла имъ обильной вертоградъ.
Ихъ кротости тогда и нраву подражая,
Свирѣпѣйшіе львы подобились овцамъ,
Не разтравляла ихъ ко злобѣ злость людская,
Насиліе еще не обитало тамъ.
Не утѣсняли тамъ людей гоненье, звѣрство,
Презрѣнье, ненависть, пронырство и обманъ,

Ложь, гордость, клевета, притворъ и лицемѣрство,
Не знали смертные въ то время сихъ имянъ.
Не угрожало имъ желѣзо смертоносно,
Содѣланное днесь къ погибели людей;
Но было вспахано имъ поле плодоносно
И не губило жизнь, давало помощь ей.

Сіе вреднѣйшее, грызущее насъ жало,
Источникъ алчности и корень гнусныхъ дѣлъ,
Корыстолюбіе сердецъ не заражало,
Никто отъемлемымъ имѣньемъ не владѣлъ.
Богатства собирать никто тогда не мыслилъ
И ближнему чрезъ то не причинялъ обидъ,
Но каждой былъ богатъ, хотя никто не числилъ,
Что домъ, земля, иль плодъ ему принадлежитъ.
Земля считалася въ то щастливое время
Нераздѣлимою питательницей всѣхъ,
И люди бѣдности не чувствовали бремя
Среди довольствія, покоя и утѣхъ.
„Премудро Божество на то, они вѣщали,
„Разсѣяніемъ насъ умножило нашъ родъ,
„Дабы взаимно мы другъ другу помогали,
„Дабы пріобрѣли чрезъ то сугубой плодъ.
„Съ природнымъ человѣкъ родится побужденьемъ
„Къ необходимѣйшимъ и надобнымъ трудамъ,
„И пользуяся всемъ другихъ людей имѣньемъ,
„Взаимно къ пользѣ всѣхъ трудиться долженъ самъ.“

Отверзты находя для всѣхъ земныя нѣдра,
Гдѣ всѣ заключены сокровища земли,

Сей даръ, которой данъ отъ Божества прещедра,
По мѣрѣ нуждъ всегда они извлечь могли.
Богатство онаго имѣя въ равной волѣ,
Не съ ненавистью всякъ, не съ ревностью взиралъ;
Коль кто пріобрѣталъ передъ другими болѣ;
Избытокъ одного всѣхъ прочихъ награждалъ.
Сіе собраніе, трудящееся въ потѣ,
Пчеламъ подобилось носящимъ въ лѣтѣ медъ,
Другъ другу подражалъ въ раченьѣ и въ охотѣ,
И другъ за другомъ шелъ, трудяся каждой въ слѣдъ.
Но вскорѣ жители сіи трудолюбивы
Позабываютъ свой во удовольствахъ трудъ:
Утучненныя ихъ и плодоносныя нивы,
Сторичные плоды въ послѣдокъ имъ даютъ;
И въ скоромъ времени весельи повсечасны
Послѣдуютъ за тѣмъ пріятнымъ ихъ трудомъ;
Въ довольствѣ и скоты ихъ радостей участны,
Оставя въ полѣ плугъ, покоятся потомъ.

Тогда пристрастіе въ сердцахъ не обитало,
Отличной другъ тогда ненуженъ людямъ былъ,
Но ихъ усердіе ко всѣмъ равно пылало,
И ласки всякъ свои для всѣхъ равно дѣлилъ;
Исполненъ каждой былъ ко ближнему любови,
И въ каждомъ почиталъ и брата и отца:
Они считали всѣ себя единой крови,
Имѣя бытіе отъ одного Творца.
Безъ рабства искрененъ, безъ звѣрства равнодушенъ,

Всѣхъ общій былъ слуга и родственникъ и
другъ,
Безъ власти человѣкъ другому былъ послу-
шенъ,
Пріемля тысячи взаимственныхъ услугъ.

О ты! чистѣйшихъ душъ невинно утѣ-
шенье,
Пріятнѣйшая страсть чувствительныхъ сер-
децъ,
Любовь, дающая намъ всѣмъ одушевленье,
Твои я нѣжности представлю наконецъ.
Въ то время не были еще сердца суровы,
Привыкши радости единыя вкушать,
Къ взаимнымъ нѣжностямъ отверзты и го-
товы,
Не знали мукъ сносить, не знали причинять.
Въ нихъ строгость никогда не находила мѣста,
Къ неволю не влекли богатство или чинъ,
Не отдавалася на жертву имъ невѣста,
Но выборъ оныя господствовалъ одинъ.
Тотъ ею обладалъ, кто былъ для ней пре-
лестенъ,
Тотъ ею былъ любимъ, кому она мила;
Таковъ союзъ бывалъ ни мало не безчестенъ,
Не ставила въ порокъ невинныхъ дѣлъ хула.
Хотя со временемъ любовь ихъ погасала;
Изъ нѣжныя любви бывалъ нѣжнѣйшій другъ,
И ненависти страсть минувша не рождала,
Но паче множила взаимность ихъ услугъ.
Любовникъ не вздыхалъ, не мучился напрасно,
Когда любовницу несклонну находилъ;
Коль сердце не было ея взаимно страстно,
Плѣнялся онъ другой, для коей былъ онъ милъ.
Взаимно были ихъ сердца всегда плѣненны,

Къ утѣхамъ ихъ любовь въ нихъ ставила
свой тронъ.
Веселья не были ихъ съ горестью смѣшенны,
Не прерывали ихъ мученія, ни стонъ.
Не заражали ихъ пріятныя отравы,
Во внѣшнихъ нѣжностяхъ скрывая лестной
ядъ,
Но просты были ихъ сердца, поступки,
нравы,
И не являлъ тогда двоякихъ чувствій взглядъ.
Ревнивость никогда любви не развращала
И подозрѣнія не мучили сердецъ;
Коль въ нихъ однажды страсть взаимно
воспылала,
Безъ перемѣнъ она имѣла свой конецъ.

На Марсовыхъ поляхъ руки не вооружали
Ни слава тщетная, ни злобствующа месть,
И онымъ титуломъ себя не украшали,
Которой имъ даетъ иль робость или лесть.
Тотъ знатенъ былъ, почтенъ и въ званіи
высокомъ,
Кто болѣе для всѣхъ полезнымъ быть обыкъ,
И правда не была утѣснена порокомъ,
Не повреждалъ ее клевещущихъ языкъ.
Бездушной ябедникъ и подлой лжесвидѣтель
Предъ лицемѣрной судъ безгласныхъ не влекли,
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Повсюду щастливо хранились на земли.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Источникъ нашего и щастія и бѣдства
Являетъ смертному его способность силъ,
Являетъ умъ ему, другія къ щастью средства;
Онъ льстится сладостью, которой не вкусилъ.
Онъ началъ познавать свое несовершенство,
Храня въ довольствіи едину простоту;
Онъ въ жизни лучшее желалъ имѣть блаженство,
И въ щастьѣ не хотѣлъ подобиться скоту.
Неограниченно пространной умъ имѣя,
Но малымъ и простымъ познаніемъ стѣсненъ,
Онъ чувствовалъ свой даръ, стыдяся и жалѣя,
Что онъ невѣденьемъ былъ прежде помраченъ.
Претемныя отъ глазъ завѣсы раздираетъ,
Стремится проницать невидимое имъ,
И тысячу онъ крылъ быстрѣйшихъ простираетъ,
Чтобъ выше вознестись могъ разумомъ своимъ.
Не тѣми человѣкъ воззрѣлъ тогда очами
На свѣтъ, которому дивился прежде онъ;
Но просвѣщенные умы наукъ лучами,
Открыли естества порядокъ и законъ.
Открылось новое вселенной намъ пространство
И обитаніе непроходимыхъ мѣстъ,
Почуствовала вновь земля свое подданство
Явило путь пловцамъ сіянье дальнихъ звѣздъ.

Стремленье волнъ морскихъ имъ стало не
ужасно,
Къ неслыханнымъ мѣстамъ имъ не былъ путь
далекъ;
Искуству нашихъ рукъ все стало быть подвла-
стно,
И началъ съ пользою жить въ свѣтѣ человѣкъ.
Къ художествамъ свои пріобучая руки,
На высшую степень искуство онъ возвелъ.
Колико разныхъ благъ произвели науки,
Колико совершенствъ, колико славныхъ дѣлъ!
На свѣтѣ нѣтъ добра, нѣтъ пользы ни единой,
Которубъ не отъ нихъ заимствовали мы;
Что общаго могло спокойства быть причиной,
То все науками пріобрѣли умы.

Тамъ общества людей, тамъ видимъ нынѣ
грады,
Гдѣ были до сего лишь горы и лѣса;
Отверзли смертнымъ путь науки въ храмъ
Паллады,
Послали новой свѣтъ на землю Небеса.
Сынъ долженъ сталъ отцу не жизнью лишь
одною,
Но воспитаніе имъ въ дѣтствѣ получа,
И щастьемъ награждалъ детей своихъ уча.
Ихъ тщаніемъ потомъ то было совершенно,
Что къ пользѣ общества изобрѣталъ отецъ.
Искуствомъ естество въ порядокъ приведенно,
Намъ новыя дары отверзло наконецъ.
Необходимость всѣхъ и нужда побуждала
Ко временнымъ трудамъ, потребнымъ въ житіи.
Не праздность по трудахъ, наука утѣшала
Того, кто чувствовать утѣхи могъ сіи;
Природа подала на то намъ крѣпость тѣла

Чтобъ не былъ человѣкъ трудами утомленъ,
И съ онымъ разуму присутствовать велѣла,
Чтобъ мыслями онъ былъ всечасно упражненъ.

Являютъ чудеса Коперники, Невтоны,
И открываютъ намъ предвѣчности уставъ;
Казалось, естеству они даютъ законы,
Порядокъ онаго намъ точно предписавъ.
Къ познанію вещей чѣмъ кто стремился болѣ,
Тѣмъ лучше общую тотъ пользу могъ найти;
Открылося тогда пространнѣйшее поле
И безконечные ученія пути.
Познанье одного, являя путь къ другому,
Давало новыя понятію лучи,
И сколько льзя достичь къ познанію прямому,
Науки насъ вели невѣденья въ ночи.

Хотъ строгой Философъ науки отвергаетъ
И представляетъ намъ послѣдующій вредъ:
Но праведноль за то онъ пользы обвиняетъ,
Когда причины ихъ причины стали бѣдъ?
И естьли получить не льзя добра такова,
Ни совершеннаго столь щастья намъ сыскать,
Чтобъ въ ономъ не было послѣдствія худова:
То должноль для того намъ щастье презирать?
Виновенъ человѣкъ, виновно заблужденье,
Когда изъ добрыхъ зримъ причинъ конецъ худой;
Неправомысліе и злоупотребленье
Всегда выводитъ вредъ изъ пользы начатой.

Награда чистыхъ душъ, утѣха кроткихъ нравовъ,
Наставница умовъ, спокойства путь и ключъ,

Подательница намъ правдивѣйшихъ уставовъ,
И добродѣтельныхъ надѣянія лучь,
О Философія! первѣйшій даръ небесной,
Тобой открылся намъ блаженный оный вѣкъ;
Когда обрѣлъ покой душевной и тѣлесной,
Въ жизнь краткую, въ трудахъ, въ недугахъ человѣкъ.
Коль къ малымъ безъ тебя утѣхамъ онъ способенъ,
Коль малобъ щастливъ былъ своею онъ судьбой!
И если Божеству чѣмъ смертной былъ подобенъ,
Подобенъ былъ ему единою тобой.
Изъ щастья дѣлая щастливу перемѣну,
Котору человѣкъ наукой пріобрѣлъ,
Онъ жизни своея узналъ прямую цѣну,
Не въ чувствахъ ужь однѣхъ, но въ мысляхъ жизнь имѣлъ:
Онъ въ пользѣ общей былъ усерденъ, безпристрастенъ,
Какъ скорби по себѣ онъ чувствовалъ другихъ;
Равно такъ въ радостяхъ онъ ихъ бывалъ участенъ,
И пользою своей полезенъ былъ для нихъ.
Наукой правились сердца и нравы грубы,
Доколѣ человѣкъ не вѣдалъ вредныхъ нуждъ;
Наукой сладости онъ чувствовалъ сугубы,
Доколѣ суетныхъ желаній былъ онъ чуждъ.

Не навсегда нашъ умъ въ границахъ былъ удержанъ,
Нечувственно порокъ прокрался къ намъ въ сердца;
Гнушался смертной имъ, но былъ ему подверженъ,
И ненавидя зло, лобзалъ его творца.

Самолюбивыя питались въ немъ желанья,
И польза собственна влекла его во плѣнъ;
Другія были въ немъ надежды и исканья,
И мнимымъ щастіемъ сталъ смертный ослѣ-
пленъ.
Его познанія и мысли просвѣщенны,
Которы дѣлали блаженными людей,
Ко общей были всѣхъ напасти обращенны,
И смертный самъ себѣ первѣйшій сталъ злодѣй.
Казалось, нѣкая бунтующая сила
Щастливой тишинѣ поревновала ихъ,
И нѣкой язвою вселенну заразила,
Которая ввела льстецовъ надменныхъ, злыхъ.
Казалось, адъ свою разверзъ тогда утробу
И Фурій изпустилъ мучительныхъ въ народъ,
Дабы посѣять въ немъ свирѣпство, ужасъ, злобу
И человѣческой терзать всечасно родъ.
Казалось, естество въ раскаяньѣ стыдилось,
Неблагодарнымъ свой истощевая даръ,
И Небо видѣть ихъ злодѣйства отвратилось,
Готовя праведной для казни ихъ ударъ.

Различныя тогда насъ мучить стали
страсти
И заблужденія текли страстямъ во слѣдъ;
Различныя тогда узнали мы напасти,
Числомъ пороковъ мы число узнали бѣдъ.
Подобно, какъ бы тьмы Перуновъ къ намъ
низпали,
Дабы на насъ послать напастей лютыхъ
тьму.
Какія мыслямъ вдругъ чудовищи предстали!
Воображеніе престрашное уму!

Подобящуюся низпадшей въ тьму денницѣ,
Носящую всегда вражду, раздоры, прю,
Подъемлющу главу въ высокой колесницѣ,
Гнуснѣйшу Фурію передъ собою зрю.
Высокомѣрія черты изображенны
Я вижу на ея гордящемся челѣ,
Надменной пышно видъ и взоры принужденны,
Уста отверзтыя къ презрѣнью и хулѣ,
Глаза, взирающи на всѣхъ съ пренебреженьемъ
И жаждущи всегда похвалъ своихъ искать,
Наполненные всѣхъ другихъ уничтоженьемъ,
Являютъ гордость мнѣ, пороковъ гнусныхъ мать.

Предстала ненависть въ ея развратномъ видѣ,
Имѣя блѣдной видъ, языкъ, носящій ядъ,
Пылая ко вреду, ко злобѣ, ко обидѣ,
И озираяся, кровавой мещетъ взглядъ.
Неудовольствіе она въ лицѣ являетъ,
И угрызеніе написано въ очахъ;
Безъ насыщенія всего она желаетъ,
Приходитъ со враждой, отшедъ наноситъ страхъ.
Она свирѣпѣй льва, опаснѣе ехидны,
Не трогаетъ ее ни жалость, ни любовь;
И естьли гдѣ слѣды ея остались видны,
Узнаетъ каждой ихъ, зря слезы, или кровь.

Зрю лесть, чудовище опаснѣйшее людемъ,
Нерѣдко мудрые страдаютъ отъ него,
И если виду мы его ввѣряться будемъ,
Не можемъ избѣжать нещастья своего.

Лютѣйша Фурія, наполненная ядомъ
И изрыгающа отмщенье, гибель, вредъ,
Притворство ласковымъ сердца плѣняетъ взглядомъ,
Слова ея всегда сладчайшій носятъ медъ.
Подобно какъ змѣя, въ кустахъ цвѣтовъ сокрыта,
Приманчивой для всѣхъ снаружи кажетъ видъ;
Но пропасть для того погибельна изрыта,
Кого она къ себѣ симъ видомъ приманитъ.
Ласканья, похвалы бываютъ часто сѣти,
Которыми сердца подобно ловитъ лесть;
Пронырство и обманъ сей Фуріи суть дѣти,
Отъ коихъ терпятъ вредъ невинность, правда, честь.

Отъ трехъ тирановъ сихъ размножились пороки
И неизчислимы злодѣйства въ свѣтъ ввели:
Безжалостны сердца, мучители жестоки
Разсыпали бѣды и скорби по земли;
Тотъ былъ нещастнѣй всѣхъ, кто болѣ изобиленъ,
Безъ помощи терпѣлъ обиды человѣкъ!
Тотъ былъ щастливѣй всѣхъ, кто болѣе былъ силенъ,
Возсталъ на друга другъ и къ мщенью мечь извлекъ:
Иной, прибытокъ зря, иной для тщетной славы,
Иной, свой собственной предупреждая страхъ;
Въ свирѣпствѣ по полямъ текли ручьи кровавы;
По стогнамъ жалобы, вопль слышенъ былъ въ домахъ.

Науки сдѣлались орудіемъ ихъ мести,
И разумъ разтравлялъ жестокость общихъ ранъ;
Не слышалъ человѣкъ ни должности, ни чести,
Ихъ гласъ тогда молчалъ и царствовалъ обманъ.
Оружіе и смерть опустошали землю,
Порокъ и грѣхъ тогда былъ жребіемъ людей.
Какіе вопли я пронзительные внемлю!
Какой не тронется сей жалостью злодѣй!
Невинность, истина, науки, добродѣтель,
Любовью собраны, вопили къ Небесамъ,
Дабы толикихъ благъ Источникъ и Содѣтель
Имъ далъ прибѣжище и кротость далъ сердцамъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Терпѣнье съ кротостью была едина
жертва,
Котору воздавалъ родъ смертныхъ Божеству;
Поверженная честь у ногъ злодѣйскихъ мертва
Во укореніе являлась естеству.
Всемѣстны жалобы и голоса плачевны,
Пронзая облака, коснулись Небесамъ.
Явились щедры намъ Судьбы, дотолѣ гнѣвны,
Когда никто не зрѣлъ конца своимъ бѣдамъ.
Почувствуя свое претягостнѣйше бремя,
Подъ коимъ человѣкъ, злодѣйствуя, стеналъ;
Увидѣлъ съ ужасомъ утраченно имъ время,
Какъ пользы онъ искалъ и пользу истреблялъ.
Въ терпѣньи и враждѣ сталъ вѣкъ ему не-
сносенъ,
Онъ собственнымъ своимъ былъ игомъ уто-
мленъ;
Бывъ вреденъ ближнему и бывъ себѣ поносенъ,
Бунтующій въ немъ нравъ казался утоленъ.
Но тщетно онъ въ себѣ искалъ толикой власти,
Которабъ собственной дала ему законъ:
Привычкою ему его казались страсти,
И болѣ обладать не могъ собою онъ.
Привычка вредная бываетъ намъ уставомъ,
Которой нудитъ насъ во слабостяхъ тонуть,
И необузданнымъ владѣя страсти нравомъ,
Увидѣть истинной препятствуютъ намъ
путь.

Упрямство лишь одно раскаяться мѣшаетъ,
Когда не чувствуетъ тиранъ, что онъ жестокъ;
И гордость иногда признанія лишаетъ,
Какъ хулимъ мы въ другихъ свой собственной порокъ!
Тотъ къ мщенью и враждѣ причинъ находитъ много,
Кто злобы никогда не хочетъ истребить.
Онъ, строго всѣхъ судя, судимъ взаимно строго
И будетъ принужденъ иль гибнуть, иль губить.
Злодѣи, думая, что всѣ должны быть злобны,
Находятъ потому причины всѣхъ язвить,
И дѣлаясь они другъ другу въ томъ подобны,
Считаютъ нуждою за злобу зломъ платить;
А естьлибъ мы другихъ взаимно извиняли
И, не любя злодѣйствъ, любили править злыхъ:
Безъ мщенья и вражды порокибъ изчезали,
Безъ гибели людской причиныбъ гибли ихъ.

Среди всеобщаго вреда и истребленья,
Подвиглись жалостью суровыя сердца;
Признанье было ихъ началомъ исправленья.
,,Доколѣ общихъ бѣдъ, вѣщали, ждать конца?
,,Безъ сокращенія довольно вѣкъ нашъ кратокъ.
,,Но мы его губимъ въ неистовствахъ своихъ."
Ко ближнему еще любви въ нихъ былъ остатокъ,
И искры истины еще горѣли въ нихъ.
Чтобъ гордость побѣдить всеобщаго упорства;
Зря смертные въ стыдѣ умножившійся грѣхъ,
Повиновенія искали и покорства,
И власти узами связали злобу всѣхъ.
О! коль пріятны намъ священны оны узы,

Которы общее согласіе крѣпятъ;
Чрезъ нихъ возставлены, утверждены союзы,
И ими смертные сугубо щастье зрятъ.
Когда умножились злодѣйства и развраты,
Когда была земля наполнена сиротъ,
Въ чей были бы покровъ гонимые пріяты,
И гдѣбъ прибѣжище нашелъ тогда, народъ?
Злодѣямъ страждущихъ прошеніе невнятно,
Жестокія сердца не тронетъ бѣдныхъ стонъ,
Сноситъ гоненія мучительнѣй стократно,
Стеня безъ помощи, терпя безъ оборонъ.
Ко пресѣченію толикой всѣхъ напасти,
Былъ избранъ человѣкъ подать законы всѣмъ,
Судьба народу быть въ его велѣла власти,
Народъ, покорствуя, нарекъ его Царемъ;
Дабы онъ подданныхъ согласіе уставилъ,
И образъ кротости собою имъ явилъ,
Дабы нещастливыхъ отъ гибели избавилъ,
И прежнихъ тишину вѣковъ возобновилъ.

Народъ, не знающій въ своихъ стремленьяхъ мѣры,
Безъ правилъ собственныхъ послѣдуетъ другимъ,
Ко слабости иль къ злу ведутъ его примѣры;
Онъ чувствуетъ ихъ вредъ, но подражаетъ имъ,
Онъ слабости свои примѣрами прощаетъ
И дѣлается онъ невольникъ часто ихъ;
И можетъ быть, когда въ пороки онъ впадаетъ
Впадаетъ въ оные онъ болѣе чрезъ нихъ.
Ко исполненью дѣлъ его взаимность нудитъ;
И добродѣтель всѣ тогда любить начнутъ,
Когда любить ее другъ друга всякъ побудитъ,
Когда одни другимъ примѣры подадутъ.

Внезапно восхищенъ мой умъ видѣньемъ
страннымъ,
Какая чудная плѣнила мысль мечта!
Объялись чувства вдругъ восторгомъ несказаннымъ,
Отверзлись предо мной небесныя врата.
Я вижу храмъ Судебъ среди свѣтилъ несчетныхъ,
Тамъ путь непостижимъ и неприступенъ
свѣтъ,
Тамъ славится всегда Отецъ вѣковъ безлѣтныхъ,
И тамо пишетъ свой Предвѣденье завѣтъ.
Тамъ ясно видимы въ предбудущїе вѣки
Неисповѣдимыхъ Судебъ обѣты намъ,
Которы исполнять родятся человѣки;
Ихъ жизнь, дѣла, конецъ изображенны тамъ.
Различныя узрѣлъ я тамъ Судебъ исходы,
И по числу вѣковъ число столповъ узрѣлъ;
На нихъ представлены послѣдующи годы,
День, часъ, минута здѣсь имѣетъ тамъ предѣлъ.
Среди чертоговъ сихъ стоятъ престолы,
славы,
Готовыя трубить дѣла владыкъ земныхъ;
Безчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
Тамъ разные вѣнцы для кроткихъ, или злыхъ.
Одни получатся народною любовью,
Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;
Другїе возмутся насилїемъ и кровью,
Имъ будетъ ненависть покорствовать въ
плѣну.
Одни всеобщее блаженство усугубятъ
И привлекутъ къ себѣ отъ подданныхъ любовь;
Другїе роскоши, тиранство, месть возлюбятъ

И пошлютъ на народъ за скорбьми скорби
вновь.
Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
Но будутъ наконецъ послѣдніе нещасшны,
Собою дѣлая нещасшными другихъ.
Я вижу тамъ судьбы людей правдолюбивыхъ,
Судьбы полезнѣйшихъ для общества мужей:
Они щастливѣе на свѣтѣ всѣхъ щастливыхъ,
Не будетъ меркнуть свѣтъ пріятнѣйшихъ
ихъ дней.
За ихъ стараніе о благоденствѣ общемъ,
Спокойствіе души въ награду дастся имъ.

Почто же на свое тогда мы щастье ропщемъ,
Когда подобиться мы онымъ не хотимъ?
Прямая слава намъ отъ насъ самимъ зависитъ,
Хотябъ въ устахъ другихъ умолкла похвала;
Ничто другое насъ на свѣтѣ не возвысить,
Какъ наши добрыя съ желаніемъ дѣла.

Потомъ я вижу тамъ судьбы высокомѣр-
ныхъ,
Судьбы завистливыхъ, судьбы клеветниковъ,
Судьбы предателей, судьбы льстецовъ невѣр-
ныхъ;
Предвѣденьемъ конецъ назначенъ имъ таковъ:
„Для сихъ готовъ ударъ иль рано или поздно,
„Спокойства въ жизнь они не будутъ ощу-
щать;
„Но бойтесь, смертные, въ сіе вы время грозно,
„Какъ злые на землѣ начнутъ торжествовать.“

Я вижу наконецъ судьбы народовъ разныхъ:
Трудолюбивѣйшимъ назначенъ сладкой вѣкъ;
Но видя тамо я судьбу народовъ празныхъ,
Желалъ, чтобъ щасшливѣй былъ въ жизни
человѣкъ.

Въ то время, какъ Цари правленіе пріяли,
Какъ намъ Судьбами былъ назначенъ жребій сей:
То первой, коего народы увѣнчали,
Для щастья общаго примѣромъ былъ Царей.
Пріявъ надъ всѣми власть, онъ былъ сердецъ
владѣтель,
Онъ общимъ былъ отцемъ и богомъ на земли,
И царство купно съ нимъ пріяла добродѣтель,
Согласіе тогда и правда процвѣли.
Пресѣкъ причины онъ враждебъ междоусобныхъ,
Невинныхъ принялъ въ свой надежнѣйшій по-
кровъ
Безсильныхъ защитилъ отъ нападенья злоб-
ныхъ,
И заградилъ уста онъ всѣхъ клеветниковъ.
Подверженный народъ дотолѣ злому року,
Увидѣлъ на поляхъ спокойства сѣмяна;
Людская праздность тамъ, ведущая къ пороку,
И роскошь вредная была изтреблена.
По правосудію злодѣй тамъ былъ изтязанъ,
Нелицемѣренъ судъ, законъ хранился святъ;
Членъ вредный общества достойно былъ на-
казанъ,
И для пощады всѣхъ злымъ не было пощадъ.
Страхъ гибели тогда страшилъ однихъ зло-
дѣевъ,
Которы разрушать дерзали общій миръ.
По бурномъ вѣяньи свирѣпѣйшихъ Бореевъ,
Подулъ тогда на всѣхъ прохладнѣйшій Зефиръ.

Прешли всеобщія стенанія и муки,
Невинныхъ не терзалъ злодѣевъ лютыхъ страхъ;
Явили паки свой полезной плодъ науки
И добродѣтели воздвигли храмъ въ сердцахъ.
Повсюду радости, какъ легкой вѣтръ неслися,
Повсюду слышались, какъ шумъ быстрѣйшихъ рѣкъ;
Повсюду голоса Парнасски раздалися
И Музы золотой воспѣли паки вѣкъ.

* *
*

Чтобъ щастье пріобрѣсть сугубое симъ вѣкомъ,
Учись, Великой Князь, числомъ примѣровъ сихъ,
Великимъ быть Царемъ, великимъ человѣкомъ,
Къ спокойству Твоему и подданныхъ Твоихъ.

КОНЕЦЪ.

ПОЕМА,

БЛАЖЕНСТВО НАРОДОВЪ,

сочиненная въ 1765 году.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

НАСЛѢДНИКУ ВСЕРОССІЙСКОМУ.

Залогъ, врученный намъ отъ щедрыя судьбины,
Ко продолженію щастливыхъ нашихъ дней,
Дражайшій даръ Небесъ и даръ Екатерины,
Достойный нашихъ жертвъ, иль паче олтарей,
О Павелъ! естьли пѣснь усердіемъ простая
Достойна преклонить ко внятію Твой слухъ:
Позволь, Великій Князь, чтобъ Муза молодая
Къ Престолу вознесла ревнительный свой духъ.
Позволь, чтобъ для Тебя я лиру вновь настроилъ,

Котору удостой и нынѣ такъ пріять,
Какъ оную пріять Ты прежде удостоилъ,
Когда дерзалъ я пѣть Твою преславну
Мать.
И естьли предъ Тобой мою умѣрю лиру,
Пусть Муза впослѣдн громчае возвѣ-
ститъ
Народамъ Твой законъ, Твою щедро-
ту міру.
Уже на Матерь зря, Россія въ Сынѣ
чтитъ
Ея о подданныхъ премудро попеченье,
Ея къ Отечеству и къ Истинѣ любовь;
Уже внимаетъ свѣтъ отъ Музъ пред-
возглашенье,
Что Ты Царямъ явишь Собой примѣ-
ры вновь.
Но паче наградишь щастливѣйшимъ
насъ вѣкомъ,
Пріобучаяся числомъ примѣроеъ сихъ,
Въ великомъ санѣ быть великимъ че-
ловѣкомъ,
Къ спокойству Твоему и подданныхъ
Твоихъ.

~~~~~~
~~~~~~

ПОЕМА,

БЛАЖЕНСТВО НАРОДОВЪ (*).

Пою блаженной вѣкъ и непорочны нравы,
Въ началѣ бытія щастливѣйшихъ временъ;
Пою правительства священные уставы
И власть, хранящую покой земныхъ племенъ.

Въ селеніи Небесъ пространномъ обитая,
Спусти ко мнѣ свои пресвѣтлые лучи,
Твоимъ вліяніемъ, о Истина святая,
Внушить твой смертнымъ гласъ мой разумъ научи.
Вдохни въ меня твои божественны законы;
Представь, какъ смертные въ природномъ бытіи
Пріяли отъ тебя и скиптры и короны,
Дабы предписывать уставы намъ твои.
Представь передъ очми ты ПАВЛА молодаго
Начальной въ естествѣ благополучной вѣкъ:
Какъ числилъ всякъ свое въ спокойствѣ общемъ благо,

(*) Сія небольшая Поема помѣщена была Авторомъ въ изданіи его сочиненій, подъ названіемъ: Лира, а хотя и сказано на заглавномъ листѣ, что она сочинена въ 1765 году; но въ самомъ дѣлѣ, кажется, она только что сокращена и передѣлана изъ предыдущей Поемы: Сугубое Блаженство, напечатанвой въ томъ же 1765 году, равно какъ и находящееся въ началѣ оной приписаніе.

Примѣчаніе Издателя.

Какъ самъ давалъ себѣ законы человѣкъ;
Какъ прежде онъ свой долгъ любилъ безпринужденно,
Не бывъ ни каковымъ уставамъ покоренъ;
Какъ время наконецъ явилося премѣнно,
И новой смертному былъ жребій положенъ.

А вы откройте путь въ жилище ваше дивно,
О Музы! я умомъ взнестись отважусь къ вамъ,
Въ мѣста, гдѣ царствуетъ весна безперерывно,
И гдѣ сооруженъ божественный вашъ храмъ;
Гдѣ свѣтитъ вѣчной день и мракъ незнаемъ нощи,
Гдѣ ревностнымъ сердцамъ всегда отворенъ входъ.
Позвольте мнѣ вступить въ священны ваши рощи,
И оживляющихъ коснуться вашихъ водъ.
Но, Музы, я не съ тѣмъ вхожу въ вашъ храмъ почтенной,
Чтобъ вымышленными примѣрами боговъ,
Высокопарностью и красотой надменной
Украсить искренность простыхъ, усердныхъ словъ.
Я съ Пиндаромъ не тщусь быть славою возвышенъ:
Не славнымъ въ свѣтѣ я, полезнымъ быть хочу;
Коль гласъ мой въ простотѣ межь вами будетъ слышенъ,
Я всю свою тогда награду получу,
Лишь тѣмъ должна быть пѣснь моя красна и стройна,
Коль мѣста въ ней имѣть не будетъ подла лесть;

Коль будетъ ПАВЛОВА пріятія достойна,
Коль истину предъ Нимъ потщится превознесть.

Се книга Вѣчности разгнулась предо мною,
Гдѣ всѣ представились прешедши времена,
И всѣ, вмѣщенныя обширностью земною,
Безчисленныя въ ней явились племена.
Открылся образъ мнѣ первоначальна вѣка,
Въ которомъ царствовалъ еще природы гласъ;
Изъ нѣдръ небытія изшедша человѣка
Я вижу на земномъ пространствѣ въ оной часъ;
Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Однѣми чувствами своими наученъ,
Какъ каждой взоръ ему казалъ его блаженство,
И каждымъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ.
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его ко щастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили:
Не зналъ онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти:
Желаній далѣ нуждъ своихъ не простиралъ,
А только то желалъ, что онъ имѣлъ во власти,
И слѣдственно имѣлъ онъ все то, что желалъ.

Въ согласіи узря и тишинѣ пріятной
Изшедшихъ изъ своей утробы мирныхъ чадъ,
Земля, казалося, давала плодъ стократной
И представляла имъ обильной вертоградъ.
Ихъ кротости тогда и нраву подражая,
Свирѣпѣйшіе львы подобились овцамъ;
Повсюду правда, миръ и тишина святая
Являли Божества присутственнаго храмъ.

Не смѣли приступать туда гоненье, звѣрство,
Презрѣнье, ненависть, пронырство и обманъ,
Ложь, гордость, клевета, притворъ и лицемѣрство;
Чуждались смертные въ то время сихъ имянъ.
Не угрожало имъ желѣзо смертоносно,
Содѣланное днесь къ погибели людей;
Но было вспахано имъ поле плодоносно
И не губило жизнь, давало помощь ей.

Сіе вреднѣйтее, грызущее насъ жало,
Источникъ алчности и корень гнусныхъ дѣлъ,
Корыстолюбіе, сердецъ не заражало;
Никто отъемлемымъ имѣньемъ не владѣлъ.
По праву сильнаго никто тогда не мыслилъ,
И ближнему чрезъ то не причинялъ обидъ;
Но каждый былъ богатъ, хотя никто не числилъ,
Что домъ, земля иль плодъ ему принадлежитъ.
Земля щиталася, въ то щастливое время,
Нераздѣлимою питательницей всѣхъ,
И люди бѣдности не чувствовали бремя,
Среди довольствія, покоя и утѣхъ.
„Премудро Божество на то, они вѣщали,
„Разсѣяніемъ насъ умножило нашъ родъ,
„Дабы взаимно мы другъ другу помогали,
„Дабы пріобрѣли чрезъ то сугубой плодъ.
„Съ природнымъ человѣкъ родится побужденьемъ
„Къ необходимѣйшимъ во обществѣ трудамъ,
„И пользуяся всемъ другихъ людей имѣньемъ,
„Взаимно въ пользѣ всѣхъ трудиться долженъ самъ."

Отверзсты находя для всѣхъ земныя нѣдра,
Гдѣ всѣ заключены сокровища земли,
Сей даръ, которой данъ отъ Божества прещедра,
По мѣрѣ нуждъ всегда и всѣ извлечь могли,
Богатство естества имѣя въ равной волѣ.
Довольствовался имъ равно великъ и малъ;
Коль кто пріобрѣталъ передъ другими болѣ,
Избытокъ одного всѣхъ прочихъ награждалъ.
Сіе собраніе, трудящееся въ потѣ,
Пчеламъ подобилось, носящимъ въ лѣтѣ медъ:
Другъ другу подражалъ въ раченьи и въ охотѣ,
И другъ за другомъ шелъ трудяся каждый въ слѣдъ.
Но вскорѣ жители сіи трудолюбивы,
Во удовольствіи забудутъ легкой трудъ,
Когда ихъ тучныя и плодоносны нивы
Сторичные плоды въ послѣдокъ воздадутъ.
И въ скоромъ времени веселья повсечасны
Послѣдуютъ за ихъ раченьемъ и трудомъ;
Въ довольствѣ и скоты ихъ радостей участны,
Оставя въ полѣ плугъ покоятся потомъ.
Исполненъ каждый былъ ко ближнему любови,
И въ каждомъ почиталъ и брата и отца;
Они считали всѣ себя единой крови,
Имѣя бытіе отъ одного Творца;
Безъ лести искрененъ, безъ страха праводушенъ,
Всѣхъ общій былъ слуга и родственникъ и другъ,
Безъ рабства человѣкъ другому былъ послушенъ,
И тѣмъ крѣпилася взаимность ихъ услугъ.

О ты, чистѣйшихъ душъ невинно утѣшенье,
Пріятнѣйшая страсть чувствительныхъ сердецъ,
Любовь, дающая намъ всѣмъ одушевленье!
Твои я нѣжности представлю наконецъ.
Въ то время не были еще сердца суровы,
Обыкши радости едины ощущать;
И для утѣхъ всегда отверзты и готовы,
Не знали оныхъ въ стыдъ и горесть превращать.
Въ нихъ строгость никогда не находила мѣста;
Не пышность ихъ влекла, богатство или чинъ,
И не вручалася на жертву имъ невѣста,
Но выборъ оныя господствовалъ одинъ.
Тотъ ею обладалъ, кто милъ и кто ей лестенъ;
Тотъ ею былъ любимъ, кому она мила.
Таковъ союзъ любви похваленъ былъ и честенъ:
Когда невиненъ нравъ, невинны и дѣла.
Ревнивость никогда любви не огорчала,
И подозрѣнія не мучили сердецъ!
А ежели любовь въ желаньяхъ погасала,
Началомъ новыхъ былъ утѣхъ ея конецъ.
Любовникъ не вздыхалъ, не мучился напрасно,
Когда любовницу несклонну находилъ:
Коль сердце не было ея взаимно страстно,
Плѣнялся онъ другой, для коей былъ онъ милъ.

На Марсовыхъ поляхъ руки не воружали
Ни слава тщетная, ни злобствующа месть,
И сими титлами себя не украшали,
Которые даетъ иль робость или лесть.
Бездушной ябедникъ и подлой лжесвидѣтель
Предъ лицемѣрной судъ безгласныхъ не влекли;

Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Повсюду щастливо хранились на земли.

Не навсегда нашъ умъ въ границахъ былъ удержанъ;
Нечуственно порокъ прокрался къ намъ въ сердца,
Гнушался смертный имъ, но былъ ему подверженъ,
И ненавидя зло, лобзалъ его творца.
Его познанія и мысли просвѣщенны,
Которы дѣлали щастливыми людей,
Ко общей были всѣхъ напасти обращенны,
И человѣкъ себѣ первѣйшій сталъ злодѣй.
Какъ будто нѣкая бунтующая сила
Пріятной тишинѣ поревновала ихъ;
И нѣкой язвою вселенну заразила,
Которая ввела людей коварныхъ, злыхъ.
Казалось, адъ тогда разверзъ свою утробу
И Фурій изпустилъ мучительныхъ въ народъ,
Дабы посѣять въ немъ свирѣпство, ужасъ, злобу
И человѣческой терзать всечасно родъ.
Казалось, естество въ раскаяньи стыдилось,
Неблагодарнымъ свой истощавая даръ,
И Небо видѣть ихъ злодѣйства отвратилось,
Готовя праведной для казни ихъ ударъ.
Различныя тогда насъ мучить стали страсти,
И заблужденія текли страстямъ во слѣдъ;
Различныя тогда узнали мы напасти:
Числомъ пороковъ мы число узнали бѣдъ.
Тираны новые плодили вновь пороки
И неизчислимы злодѣйства въ свѣтъ ввели:
Безжалостны къ другимъ, безчувственны, жестоки,
Презрѣли истину и честь превозмогли.

Бывъ прежде въ тишинѣ покоенъ, изобиленъ,
Обидѣлъ иль терпѣлъ обиды человѣкъ:
Тотъ былъ щасливѣй всѣхъ, кто болѣе былъ
силенъ,
Возсталъ на друга другъ и къ мщенью мечь
извлекъ;
Иной прибытокъ зря, иной для тщетной славы,
Иной свой собственной предупреждая страхъ.
Въ свирѣпствѣ по полямъ текли ручьи кровавы,
Судьба людей была въ насильственыхъ рукахъ.
Науки сдѣлались орудіемъ ихъ мести,
И разумъ разправлялъ жестокость общихъ
ранъ;
Не слышалъ человѣкъ ни должности, ни чести,
Ихъ гласъ тогда молчалъ и царствовалъ об-
манъ.

Но собственнымъ вредомъ смягчаются
тираны,
Влекутся къ жалости строптивыя сердца,
И чувствуютъ тогда свои и общи раны:
„Доколѣ нашихъ золъ, вѣщаютъ, ждать
конца?
„Безъ сокращенія довольно вѣкъ нашъ кра-
токъ;
„Но мы его губимъ въ неистовствахъ своихъ."
Таковъ разумныхъ сихъ твореній былъ ос-
татокъ,
Когда взаимное злодѣйство тмило ихъ.
Поверженная честь у ногъ тиранскихъ мертва,
Во укореніе, являлась естеству;
Терпѣнье съ кротостью была едина жертва,
Котору воздавалъ родъ смертныхъ Божеству.
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Отвсюду изгнаны, взывали къ Небесамъ,

Дабы толикихъ благъ Источникъ и Содѣтель
Имъ далъ прибѣжище, и крепость далъ сердцамъ.

Прещедро Божество спускаетъ лучь на землю,
Подобно какъ даетъ другую бытность ей,
И отъ луча Творца я новый свѣтъ пріемлю;
Но гдѣ искать Ему достойныхъ олтарей?
Когда умножились злодѣйства и развраты,
Когда была земля наполнена сиротъ,
Подъ чей покровъ могли гонимы быть пріяты?
Гдѣ могъ прибѣжище найти тогда народъ?
Ко пресѣченію гнѣтущей всѣхъ напасти,
Былъ избранъ человѣкъ подать законы всѣмъ;
Судьба народу быть въ его велѣла власти,
Народъ, покорствуя, нарекъ его Царемъ,
Дабы онъ подданныхъ согласіе уставилъ,
И образъ кротости собою имъ явилъ,
Дабы нещасливыхъ отъ гибели избавилъ,
И прежнихъ тишину вѣковъ возобновилъ.

Народъ, не знающій въ своихъ стремленьяхъ мѣры,
Безъ правилъ собственныхъ послѣдуетъ другимъ;
Ко слабости, иль къ злу ведутъ его примѣры:
Онъ чувствуетъ ихъ вредъ, но подражаетъ имъ.
Ко исполненью дѣлъ его взаимность нудитъ;
И добродѣтель всѣ тогда любить начнутъ,
Тогда любить ее другъ друга всякъ побудитъ,
Когда одни другимъ примѣры подадутъ.
Подобно къ злобѣ тотъ причинъ находитъ много,

Кто мыслитъ своего злодѣя упредитъ;
Онъ строго судитъ всѣхъ, судимъ взаимно
строго,
И часто принужденъ иль гибнуть, иль губить.

Такъ должно, чтобъ Цари правленье во-
спримали
Содѣлать лучшую для смертныхъ въ жизни
часть:
Первѣйшій, коего народы увѣнчали,
Заставилъ возлюбить благотворящу власть.
Пресѣкъ причины онъ враждебъ междоусобныхъ,
Невинныхъ принялъ въ свой надежнѣйшій по-
кровъ;
Безсильныхъ защитилъ отъ нападенья злоб-
ныхъ,
Поставилъ правду, судъ, законъ и святость
словъ.
Безпечность праздная, ведущая къ пороку,
И роскошь вредная была истреблена;
Народъ, оставившій тогда войну жестоку,
Увидѣлъ на поляхъ спокойства сѣмяна.
Пришли всеобщія стенанія и муки;
Узря тишайшу власть, изчезъ грозящій страхъ:
Тогда явили свой полезной плодъ науки,
И добродѣтелямъ воздвигли храмъ въ сердцахъ.

Внезапно восхищенъ мой умъ видѣньемъ
страннымъ:
Какая сладкая плѣнила мысль мечта!
Объялись чувства вдругъ восторгомъ несказ-
заннымъ,
Отверзлись предо мной небесныя врата:
Я вижу храмъ Судебъ среди свѣтилъ несчет-
ныхъ;

Тамъ путь непостижимъ и неприступенъ свѣтъ,
Тамъ славится всегда Отецъ вѣковъ безлѣтныхъ,
И тамо пишетъ свой Предвѣденье завѣтъ:
„Пребудешь щастлива такъ долго ты Россія,
„Какъ будетъ жить въ сердцахъ ЕКАТЕРИНИНЪ гласъ:
„Чтобъ Россы завсегда хранили дни златыя,
„И пѣть не преставалъ ликующій Парнассъ."

КОНЕЦЪ.

П О Е М А

НА РАЗРУШЕНІЕ ЛИССАБОНА.

ПОЕМА

НА РАЗРУШЕНІЕ ЛИССАБОНА,

СОЧИНЕНІЕ Г. ВОЛТЕРА.

(Переводъ съ Французскаго)

Нещастливый народъ! плачевная страна,
Гдѣ всѣхъ ужасныхъ язвъ жестокость собрана!
О жалость вѣчная, воспоминанье слезно!
Обманутый мудрецъ, кричишь ты: *все полезно*;
Приди, взгляни на сей опустошенный градъ,
На сей нещастный прахъ отцовъ и женъ и чадъ;
Взгляни ты на сіи разрушенныя стѣны,
Подъ коими лежатъ раздавленны ихъ члены:
Здѣсь тысячи земля нещастныхъ пожрала;
Трепещутъ тамъ въ крови разбросанны тѣла,
Прекрасны домы ихъ имъ сдѣлалися гробы,
И мучась, кончатъ жизнь среди земной утробы.
Ихъ томный слыша вопль въ подземной тамъ странѣ,
Курящійся зря пеплъ, не скажешь ли ты мнѣ,
Что должно было такъ, чтобъ градъ сей былъ нещастенъ,
И нужно то Творцу, Который Благъ и Властенъ?
Иль скажешь ты, смотря на трупы бѣдныхъ сихъ,
Что Богъ отмщаетъ имъ за беззаконья ихъ.
Сіи безгрѣшные младенцы чѣмъ виновны,
Въ объятьяхъ матерьнихъ лія потоки кровны?
Отмѣнноль согрѣшилъ сей градъ и принялъ судъ?

Парижъ и Лондонъ цѣлъ, гдѣ въ роскошахъ
живутъ;
Здѣсь гибнетъ Лиссабонъ, а тамъ пиры всегдашны.
Нечувственны сердца, о вы умы безстрашны!
Зря братьевъ вы своихъ въ волнахъ среди
пучинъ,
Спокойно ищете волненія причинъ;
А сами вы когда злымъ рокомъ огорчитесь,
Вы стонете, какъ мы, и плакать не стыдитесь.
Но естьли челюсти разверзетъ адъ на насъ;
Невиненъ будетъ вопль и жалобы въ тотъ часъ.
Окружены отъ всѣхъ сторонъ жестокимъ рокомъ,
Злодѣйствомъ, гибелью, въ гоненіи жестокомъ,
И всѣхъ стихій себѣ противность ощутивъ,
Признайтесь по себѣ, что вопль нашъ справедливъ.
Вы скажете, что въ насъ бунтуютъ только
страсти,
И гордость ропщетъ въ насъ, что мы не въ
лучшей части.
Подите къ берегамъ вы Тага, зрите страхъ,
Разройте камни вы разройте вы сей прахъ;
Внемлите вопль, что тамъ нещастны произносятъ,
Отъ гордостиль они себѣ пощады просятъ?
О Боже, вопіютъ, о горе, ахъ! увы!
Полезно все, теперь мнѣ скажите ли вы?
Что? естьлибъ Лиссабонъ земля не поглотила,
Ужель бы та страна ее отяготила?
Не мните ль вы, что все сіе предвидя Богъ,
Содѣлать лучшаго для сихъ людей не могъ?
Не могъ ли ихъ спасти Онъ властію Своею,

И безднѣ запретить горящей подъ землею?
Иль мните власть Творца въ предѣлы заклю-
чить,
И не ко всѣмъ Ему велите щедру быть?
Судьбы въ Его рукахъ, Онъ ими управляетъ:
Онѣ спѣшатъ свершить, что Онъ опредѣ-
ляетъ.
Не раздражаючи Тебя, Создатель мой;
Желалъ бы я горѣть сей пропасти земной
Въ пустынѣ, и возжечь страну не населенну:
Я Бога чту, люблю, но и люблю вселенну.
Коль стонутъ смертные среди толикихъ бѣдъ;
Не гордость въ нихъ, увы! мученье вопіетъ.
Нещастны жители сіи бреговъ плачевныхъ,
Утѣшатся ли тѣмъ въ сихъ пропастяхъ без-
дневныхъ,
Когда кто скажетъ имъ: *умрите въ безднѣ сей,*
Для щастія другихъ вы гибнете людей,
Построятся иныхъ руками ваши стѣны
И будутъ жительми иными населенны;
Другой народъ отсель богатство извлечетъ,
И вашей пагубой воспользуется свѣтъ.
Богъ также какъ о насъ и о червяхъ печется,
И тѣло ваше въ снѣдь симъ тварямъ остается;
Жестокосердые! имѣйте жалость къ нимъ,
Не прибавляйте мукъ къ мученьямъ таковымъ.
Не представляйте вы моей душѣ смятенной
Необходимости сей нужды непремѣнной,
Сей цѣпи міровъ, тѣлъ и душъ, что вяжетъ
ихъ.
О суемудріе, о буйственность слѣпыхъ!
Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ею Онъ не
связанъ;
И можетъ грѣшникъ Имъ безъ [illegible] быть,
наказанъ.

Онъ Сильный, Праведный и Милосердый Царь:
Когда Творецъ такъ Благъ, почто же страж-
детъ тварь?
Сей узелъ разрѣшить вамъ прежде бъ надлежало;
Отрекши зло, вы насъ излѣчитель хоть мало!
Трепещутъ всѣ, и всѣ причины ищутъ бѣдъ;
Но вы, ихъ чувствуя, вѣщаете: *ихъ нѣтъ.*
Когда всемощна власть, что всѣ стихіи дви-
жетъ,
Срывая горъ верьхи, ужасной бурей дышетъ,
Когда сражаетъ громъ высокія древа;
Они не чувствуютъ вреда никакова:
Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья.
О дѣти бѣдныя Всемощнаго Отца,
На то ли вамъ даны чувствительны сердца?
Почто я слабъ, хотя сосудъ тому не скажетъ,
Кто тѣло онаго и крѣпость глиной вяжетъ,
Не можетъ говорить, не можетъ мыслить онъ,
И нестрашитъ его ни гибель, ни уронъ;
Сосудъ оплакивать своей не можетъ части,
Ни щастія желать, ни чувствовать напасти.
Мнѣ скажутъ, что чрезъ смерть даемъ жизн
прочимъ мы,
И насѣкомыхъ вдругъ изъ насъ родится тьм
Когда повергнусь въ гробъ, обремененъ бѣдам
Вотъ облегченіе; быть съѣдену червями!
Престаньте бѣдность мнѣ вы смертныхъ
числять,
Престаньте горесть вы мою ожесточать.
Я зрю лишь только въ васъ безсильное упо
ство,
И въ крайней бѣдности ложь, гордость
притворств
Частица малая въ пространствѣ цѣломъ я

Но всѣ животныя обширности сея,
Всѣ бытности родясь подъ таковымъ закономъ,
Жить въ горести должны и умереть со стономъ.
Какъ робкаго птенца голодной ястребъ рветъ,
И насыщаяся невинну кровь піетъ:
Находитъ пользой все, пока не прилетаетъ
Орелъ, которому онъ пищей самъ бываетъ.
Стрѣлой потомъ орла повержетъ человѣкъ,
И пораженъ другимъ самъ въ брани кончитъ вѣкъ,
Въ крови, пронзенъ, попранъ тамъ будетъ воинъ мертвой,
И птицамъ алчущимъ тамъ ихъ убійца жертвой.
Всѣ члены свѣта такъ трепещутъ въ страхахъ сихъ,
Родятся, мучатся и гибнутъ для другихъ.
Вы составляете изъ состоянья злаго
Нещастливыхъ людей, всеобщее намъ благо,
Какое, бѣдные? кто щастливъ тѣмъ изъ насъ?
Полезно, слышу, *все*, но чрезъ плачевный гласъ.
Васъ все изобличитъ и ваши чувства сами,
Сто разъ вашъ гордой умъ согласовали съ нами.

Между собою все на свѣтѣ брань ведетъ;
Всѣ твари чувствуютъ, что зломъ наполненъ свѣтъ,
И неизслѣдима всѣхъ нашихъ золъ пучина.
Ихъ тотъ не произвелъ, кто нашихъ благъ причина:
Не Ориманъ ли злу начало, иль Тифонъ?
Къ терпѣнью мы чрезъ ихъ осуждены законъ;
Однако мудрыхъ сихъ ученія не прямы,

Которымъ иногда невѣжи строятъ храмы.
Мы можемъ ли себѣ представить благъ Творца,
Творцемъ напастей всѣхъ? И дѣти отъ отца
Возмогутъ ли имѣть мученья повсемѣстны?
Кому, о Боже мой! Твои судьбы извѣстны?
Всесовершенный зла не можетъ произвесть,
Другаго нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть;
Повсюду вопль и стонъ, повсюду зрю мученье:
О непостижное двухъ разностей смѣшенье!
Чтобъ насъ утѣшить, Богъ на землю снисходилъ,
Но, землю посѣтя, ее не премѣнилъ.
Одинъ перемѣнить безсильнымъ Бога числилъ,
Онъ могъ и не хотѣлъ: другой напротивъ мыслилъ,
А будетъ впредь хотѣть. Но кто изъ нихъ помогъ,
Когда на Лиссабонъ послалъ удары Богъ,
И не оставилъ тамъ погибшихъ градовъ вида,
Отъ Тага до столповъ великаго Алкида?
Иль казнь имъ за отцовъ назначена сія;
Иль ихъ несчастнаго Начальникъ бытія
Безъ гнѣва, жалости, спокойнымъ смотритъ окомъ,
Какъ время ни течетъ уставовъ вѣчныхъ токомъ;
Иль міръ испорченный начальнику всѣхъ бѣдъ
Приноситъ должну дань чрезъ пагубу и вредъ;
Иль хочетъ искусить здѣсь Богъ насъ чрезъ напасти,
И бѣдственнымъ путемъ ведетъ насъ къ лучшей части,
Чтобъ временныя здѣсь почувствуя бѣды,
По смерти мы свои окончили труды.
Но естьли чаетъ всякъ по жизни быть спокоенъ,

Похвалится ли кто, что онъ того достоинъ?
Оплакивать себя мы должны по всему:
Невѣдущь смертный, слѣпъ, и все грозитъ ему.
Мы тщетно вопрошать нѣмую мнимъ природу,
А должно, чтобъ Творецъ явилъ то смертныхъ роду;
Одинъ лишь можетъ Онъ свои дѣла открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ умудрить.
Въ сомнѣніи блудящь безъ помощи имъ скорой,
Находитъ человѣкъ вотще тростникъ подпорой.
Мнѣ *Лейбницъ* не сказалъ, что вяжетъ ону смѣсь,
Въ устроенномъ другихъ всѣхъ лучше мірѣ здѣсь;
Собранье горестей, всегдашнее нестройство;
И въ жизни вмѣшанны веселья въ безпокойство;
Почто за добрыя и вредныя дѣла
Подвержены равно гоненью люди зла?
Я *пользы* чрезъ сіе, увы! не обрѣтаю;
Хочу учитель быть, и ничего не знаю.
Былъ прежде человѣкъ, сказалъ *Платонъ*, крылатъ,
Не проницалъ его состава смертныхъ взглядъ.
Тогда кончины, бѣдъ не знали человѣки:
Отъ жизни оныя какъ нынѣ мы далеки!
Страдаемъ, терпимъ, мремъ; все кончится родясь,
И разрушеній лишь природа стала связь.
Составъ нашъ тлѣнъ одинъ: кровь, тѣло, кости, жилы,
И умерщвляютъ насъ стихій противныхъ силы.
Въ насъ прахъ сей съ жидкостью составлены на то,

Чтобъ послѣ смѣсь сія разрушилась въ ничто,
И чувствованія жилъ тонкихъ и нѣжнѣйшихъ,
Подверглись тягостямъ болѣзней самыхъ злѣй-
шихъ.
Мнѣ само естество толкуетъ свой законъ,
Отверженъ *Эпикуръ*, оставленъ мной *Платонъ*;
Бель знаетъ болѣ ихъ: но можноль основаться?
Держа вѣсы въ рукахъ, онъ учитъ сомнѣваться;
И не пріемля онъ системы никакой,
Всѣ оны опровергъ, воюя самъ съ собой,
Подобно какъ *Самсонъ*, лишенный глазъ вра-
гами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушеннымъ руками.
Что могутъ самые пространнѣйши умы?
Ничто; своей судьбы не постигаемъ мы.
Незнаемы собой въ своей нещастной долѣ:
Что? гдѣ я и куда иду? и взятъ отколѣ?
Такъ какъ пылинки мы на кучѣ земляной,
Разсыпаны страдать и быть судьбы игрой;
Но мыслящи сіи пылинки, коихъ взоры
Измѣритъ небеса, измѣритъ землю скоры.
Несется человѣкъ умомъ ко небесамъ,
Себя не видитъ лишь, себя не знаетъ самъ.
Соборище невѣжъ и гордыхъ въ свѣтѣ онемъ,
О, счастье! говорятъ съ плачемъ и со стономъ;
Въ отчаяньи къ себѣ имѣетъ всякъ любовь,
Не хочетъ умереть, ниже родиться вновь.
Хотя всечасно мы напасти ощущаемъ,
Мы очи слезныя чрезъ радость осушаемъ.
Но радость наша такъ равно, какъ тѣнь,
минетъ;
Нѣтъ горестямъ конца, числа печалямъ нѣтъ.
Воспоминаніе прошедшаго нещастно,
А настоящее для смертнаго ужасно,
Когда онъ въ будущемъ добра не получитъ.

Полезно будетъ все, вотъ только что насъ
льститъ,
Но сердце, что теперь, *полезно все*, не вѣритъ;
Почто такъ хочетъ Богъ, то смертный не
измѣритъ;
Покорствую стеня и токи слезъ лія,
И волѣ Вышняго терпя подверженъ я.
Мой голосъ прежде былъ пастушьею свирѣлью,
Стремился пѣть любовь, стремился я къ весе-
лью;
Теперь, какъ старость мой перемѣнила нравъ,
И слабости людей я съ возрастомъ узнавъ,
Ища во мракѣ лжи, я истины блистанья
Не знаю болѣе, какъ плакать безъ роптанья.
Калифа нѣкогда оканчивая вѣкъ,
Въ послѣдній къ Богу часъ сію молитву рекъ:
Я все то приношу Тебѣ, о Царь вселенной!
Чего нѣтъ въ благости Твоей всесовершенной:
Грѣхи, невѣденье, болѣзни, слезы, стонъ.
Ещебъ прибавить могъ къ тому *надежду* онъ.

КОНЕЦЪ.

ДОБРОМЫСЛЪ,

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ,

ВЪ СТИХАХЪ.

ДОБРОМЫСЛЪ,

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ,

ВЪ СТИХАХЪ.

Божественная Хлоя!
Въ часы твоихъ отрадъ и твоего покоя
Ты любишь иногда,
Во отдыхъ отъ труда,
Читать въ стихахъ страницы
Досужной небылицы.
На разумъ кроткихъ Музъ
Не налагаешь узъ.
Твоей улыбкой благотворной
Пріятныхъ душъ питаешь жаръ,
И изъ забавы стихотворной
Щастливый производишь даръ.
Не ставишь никому въ обиду,
Когда по нѣкакому виду
Найдутся въ глубинѣ вѣковъ
Давно извѣстныя гремушки дураковъ.
Желаешь наконецъ, чтобъ Душиньки писатель,
Старинныхъ вымысловъ простой повѣствователь,
Вступилъ въ широкой путь забавнѣйшихъ творцовъ.
Хоть прежнихъ лѣтъ моихъ я жара не имѣю,
Желаніе твое преслушать не умѣю:
Скажу, что люди встарь слыхали отъ отцовъ:
Въ пустой Аравіи живали прежде люди,

Не знаю, были то иль Скиѳы, или Чуди,
Или другой народъ;
Но по преданіямъ, онъ рода въ дальній родъ,
Извѣстно каждому изъ многихъ сказокъ чудныхъ,
Что тамо въ областяхъ безводныхъ и безлюдныхъ,
Гдѣ кроются въ пескахъ признаки городовъ;
Бывало много царствъ, овецъ и пастуховъ,
Въ какомъ ли тамо царствѣ,
Въ какомъ ли государствѣ,
Въ селѣ, иль городѣ, иль въ полѣ подъ шатромъ,
Былъ Царь, и былъ любимъ народомъ и дворомъ,
И у Царя была Царица:
Добра, румяна, бѣлолица;
Любовь, и дружба, и совѣтъ,
Чрезъ множество прошедшихъ лѣтъ,
Повсюду ихъ сопровождали,
Въ обоихъ процвѣтали,
Какъ алый розовъ цвѣтъ,
Краса, пріятство, младость,
И потому Царя безъ титловъ звали *Свѣтъ*,
Царицу просто звали *Радость*.
На вѣчну память ихъ, по днесь,
Вездѣ въ народѣ, какъ и здѣсь,
Когда кого ласкаютъ,
Подобно Радостью и Свѣтомъ называютъ;
И чаять надобно, такія имена
Не выйдутъ изъ рѣчей въ грядущи времена.
У Свѣта у Царя, у Радости Царицы,
Являлися поля обильныя плодомъ,
Верблюды и ослы, кони и колесницы
И въ царскихъ роскошахъ богатственный полный домъ.

Но всѣ ли дни прекрасны въ лѣтѣ?
Утѣхи безъ премѣнъ бываютъ ли на свѣтѣ?
Нещастья часто льнутъ, какъ мухи ко всему,
Легко вплетаются и въ быль и въ небылицы.
Случилось тожъ въ дому
У Свѣта у Царя, у Радости Царицы:
Кто хочетъ знать, скажу и какъ, и почему:
Въ то время славились чудесные Халдеи
Наукой тайныхъ словъ
И силою Духовъ.
Судьбы Царей и царствъ и участи домовъ,
Въ то время строили волшебники и Феи.
Они давали честь талантовъ и даровъ,
Достоинствъ и умовъ.
Бывали сельскіе, бывали городскіе;
Иные только домъ бирали на удѣлъ;
Бывали добрые, бывали и такіе,
Которые, не льстясь заботой добрыхъ дѣлъ,
Творили пакости, гдѣ можно, на досугѣ,
И всяку всячину болтали другъ о другѣ.
Случалось иногда, и доброй и худой
Упрямую войну вели между собой.
Гдѣ доброй созидалъ, худой разрушить тщился,
Одинъ благотворилъ, другой во вредъ тру-
дился.
Подобнымъ образомъ у Свѣта у Царя,
У Радости Царицы
Одинъ добро творя;
Хранилъ вокругъ границы;
Другой, ему на споръ,
Старался наустить сосѣдовъ ближнихъ царства,
Къ Царю черезъ заборъ
Метать отвсюду соръ
Съ надменной гордостью всевластнаго боярства.
Одинъ предпринялъ трудъ,

Любя Цареву славу,
Въ безсудную расправу
Вводитъ правдивый судъ;
Другой, ему на зло, законовъ разумъ путалъ,
Дѣла во мракѣ куталъ
И правду клалъ подъ спудъ;
Согбенны древностью благотворящи Духи,
И сверстницы ихъ лѣтъ, изъ добрыхъ Фей старухи,
Бывали иногда иль слѣпы или глухи,
И многихъ пакостей ближайшихъ на земли
Примѣтить не могли.
У Свѣта у Царя, у Радости Царицы,
Летали также въ домъ Духовъ и Фей станицы,
Которы брали видъ дѣльцовъ и знатоковъ,
Рѣшили всѣ дѣла, судили, кто каковъ;
Но ихъ рѣшенія забыты въ вѣкъ вѣковъ.
Межъ тѣмъ таился ковъ
Враждующихъ Духовъ,
Которы предпріяли
Наслать на царской домъ особыя печали.

Уже пронесся слухъ чрезъ земли и моря:
У Свѣта у Царя,
У Радости Царицы,
Родились дѣтища двуносы, иль двулицы,
И словомъ, были всѣ уроды на показъ.
Въ началѣ первыхъ лѣтъ приставники и мамы
Старались править ихъ вседневно много разъ;
Но каждый выросталъ впослѣдокъ двуобразъ;
Природныя черты всегда живутъ упрямы.
Для славы ихъ отца,
Придворные вельможи
Носили два лица,
Или двуносыя поддѣланныя рожи,

И въ сказкахъ говорятъ, что будто бы онѣ
Изобрѣли въ тотъ вѣкъ различные наряды,
Какіе въ наши дни
Являютъ маскерады.
Цѣна носовъ и харь,
Которые сначала
Безъ денегъ раздавалъ щедротно добрый Царь;
Въ столицѣ наконецъ безъ мѣры вздорожала,
И равная бѣда
Постигла города,
За тѣмъ, что всѣ тогда,
Дая большія платы,
Старались также быть двулицы, двуносаты;
Блаженъ казался Царь, котораго народъ
Любви своей къ нему являлъ такой доводъ.
Но Царь съ Царицею, когда не въ людствѣ
были,
Нерѣдко двое выли,
Искали помощи у всѣхъ своихъ друзей,
Волшебниковъ и Фей,
И въ горестной печали
Отъ всѣхъ забавъ бѣжали.
Волшебникъ *Благотворъ*
И *Скромность*, дочь его, любили царской дворъ;
Но ихъ была всегда умѣренна возможность:
Они давали въ щитъ едину *Осторожность*.
Царя же *Благотворъ* по дружбѣ надѣлялъ
Чудесной нѣкакой водою,
Отъ Феи *Мудрости* взятою:
И въ мірѣ носится народною молвою,
Что царску голову онъ ею часто мылъ.
Царицѣ *Скромность* подарила
Волшебную свою печать,
И *Скромность*, естьли льзя отъ слуховъ въ-
ру брать,

Печать сію къ устамъ Царицѣ приложилъ.
Такіе способы, поистиннѣ сказать,
Для царства не были блистательны и громки,
Но долѣе могли блаженства цѣпь вязать,
И цѣпи сей конецъ далече шелъ въ потомки.
Полезнымъ дѣйствіемъ печати и воды,
Слабѣли видимо враждебныхъ силъ коварства,
И Царь съ Царицею подъ тягостями царства,
Могли тогда вкушать щастливые плоды.
У Свѣта у Царя, у Радости Царицы
Плачевныхъ повѣстей окончились таблицы:
У нихъ родился сынъ,
По складамъ видимымъ и по примѣтамъ тайнымъ,
Безъ всякихъ злыхъ причинъ,
Съ порядочнымъ лицемъ и съ носомъ обычайнымъ.
Волшебники друзья,
Пріятельницы Феи,
Къ основѣ бытія
Прибавили затѣи:
Одни ему черты
Героевъ подарили;
Другіе красоты
Купидовы сулили;
Одни высокой умъ
И мудрость обѣщали;
Другіе наобумъ
Грядущихъ дѣлъ его исторію слагали;
Таланты, щастіе и самый долгой вѣкъ
Ему предвозвѣщали,
И громко возглашали,
Что дѣйствомъ ихъ опекъ
Онъ выростетъ хорошъ и будетъ *человѣкъ*,
И съ тѣмъ родителей заранѣ поздравляли.

Притомъ произвели изъ нѣкихъ тайныхъ числъ,
Что онъ опредѣленъ назваться *Добромыслъ*,
По имени отъ вѣкъ почтенному въ народѣ; —
И первый *Добромыслъ* тогда явился въ родѣ.
Межъ тѣмъ, какъ добрые сіяли въ торжествѣ,
Въ сокрытыхъ умыслахъ мутились злые Духи,
И будучи тогда безсильны въ колдовствѣ,
Старались распустить знакомы въ свѣтѣ
слухи:
Лицомъ дитя хорошъ, но будетъ глуповатъ
И, по примѣтамъ Фей, наклоненъ къ злому
нраву;
И, такъ какъ бы планетъ послѣдуя уставу,
Пророчили, что онъ не можетъ быть женатъ;
Что будетъ на лицѣ носить дурацку мѣту,
Что будетъ вѣкъ искать себѣ невѣстъ по свѣту,
Но всѣ исканія не будутъ во успѣхъ,
А будутъ лишь въ посмѣхъ.
Лукавы сонмища Духовъ и Фей противныхъ,
Выряя подтишкомъ тогда во всѣ края,
Со множествомъ трудовъ искали сбытія
Своихъ пророчествъ дивныхъ,
И, чаять надобно, легко бы возмогли
Чудесить на земли,
Что только было имъ во-вредъ людей воз-
можно;
Но Царь всегда предосторожно
Хранилъ въ запасъ воды бутыль,
Котора злыхъ коварствъ уничтожала быль.
У Радости равно, на случаи заранѣ,
Извѣстная печать всегда была въ карманѣ.
У сына ихъ тогда, доколѣ былъ онъ младъ,
Въ недѣлѣ и во дни бывала много кратъ
Водою разума головушка помыта,
И часто къ вороту печать была пришита:

И то их имени да будетъ не въ пронос,
Что тамо *Добромыслъ* въ отцовскомъ домѣ росъ:
У царскаго двора особы грамотеи,
И таинъ естества учители Халдеи
Водили умъ его въ пространствѣ всѣхъ частей,
Познаній и наукъ, искуствъ и хитростей.
Исторію временъ; численій разны роды,
Свѣтилъ небесныхъ бѣгъ, открытіе природы,
Кривой и правой толкъ высокотайныхъ словъ
Царевичу они глубоко въ умъ втвердили;
Но навожденіемъ конечно злыхъ Духовъ,
Науку: *въ свѣтѣ жить* и вѣдать, кто каковъ
Халдейски мудрецы въ то время позабыли.
Ни Свѣтъ со Радостью, ни самый *Благотворъ*
Ни *Скромность*, дочь его, ни добрыхъ силъ соборъ,
Питомца своего сколь много ни хранили,
Отъ всѣхъ возможныхъ золъ напредь не оградили,
И можетъ быть, что злымъ, умышленно во власть,
Оставили на часть
Ошибки возраста водимаго страстями,
Чтобъ разными путями
И опытомъ добра, и опытомъ скорбей
Онъ лучше достигалъ щастливыхъ въ жизни дней.
Настали скоро лѣта,
Въ которыя любовь
Волнуетъ часто кровь,
И юность дѣйствуетъ безъ дальняго совѣта.
Тогда отецъ и мать
Заранѣе пеклись найти ему невѣсту,
Иль по просту сказать,
Гадали, думали пристроить сына къ мѣсту.

Женясь онъ будетъ жить спокойно безъ
хлопотъ,
И новымъ племенемъ умножитъ царской родъ.
Такія для него въ виду имѣли мѣты,
Желанія родныхъ и дружески совѣты;
Но злобныхъ ли Духовъ коварные навѣты,
Или безстройная незрѣлыхъ лѣтъ чреда,
Отъ добраго пути влекли его къ худому,
Потрачена ль была чудесная вода,
Потеряна ль печать спасительная дому,
Во лѣтописяхъ нѣтъ
Доводовъ, ни примѣтъ;
Лишь то извѣстно свѣту,
Изъ разныхъ повѣстей, безъ всякихъ лѣтъ
и числъ,
Что юный *Добромыслъ*
Не слѣдовалъ тогда разумному совѣту,
И нѣжныхъ чувствій даръ,
Какой въ него тогда природою вливался,
Въ подобіи вещей былъ только скорый жаръ;
Минутой возгаралъ, минутой истощался.
Царевичу предсталъ повсюду видъ свободъ,
Подъ коимъ крылся путь неволи и нестройства.
Приманчивый призракъ плѣняющихъ красотъ
Далеко отстоялъ отъ щастья и спокойства.
Открылось множество невѣстъ со всѣхъ
сторонъ:
Въ Египтѣ *Фараонъ*,
Отъ самой древности ведя свою породу,
Имѣлъ любиму дочь,
По сказкамъ, *Вышероду*,
Котора ближилась къ семнадцатому году
И жениховъ себѣ искала день и ночь.
Но, весьма въ бытіяхъ Египетской архивы,
Цари не завсегда бывали тамъ щастливы;

И нѣкій тамо Царь,
Съ показаннымъ теперь недальный однородецъ,
Хотя носилъ всегда въ карманѣ календарь,
Особо въ вѣкѣ былъ несчастный мореходецъ,
И въ морѣ нѣкогда пустясь не въ добрый часъ,
Со всѣми силами постыдно въ грязь увязъ;
Хотяжъ въ послѣдствіи толь знатнаго урона
Оставилъ имя онъ въ потомствѣ *Фараона*,
Оставилъ множество коней и колесницъ,
Оставилъ наконецъ, въ достойну память роду,
Между высокихъ лицъ
Царевну *Вышероду*;
Хотя толико пышный домъ
Плѣнилъ Царевича въ началѣ,
И не искалъ бы онъ потомъ
Себѣ невѣсты далѣ:
Она явилася съ приданымъ къ ней погостомъ;
Явилась, но была весьма велика ростомъ,
А онъ при ней былъ малъ,
И только подъ плечо тупеемъ досягалъ.
Вотще старалися искусными руками,
Природѣ вопреки,
Поддѣлывать ему высоки каблуки:
Онъ скучилъ зрѣть ее нижайшими очами,
И былъ довольно радъ,
Когда невѣста въ домъ отправилась назадъ.
Царевичева дума
Клонилася потомъ, оставя знатность прочь,
Понять въ супружество единородну дочь
У громкаго Царя у *Шума*.
Извѣстно всѣмъ, что то была
Летучая Царевна *Слава*,
Которая носясь, по праву иль безъ права,
Съ трубою по путямъ вѣстила всѣ дѣла.
Со *Славою* союзъ и отъ него потомки

Долженствовали быть во всей вселенной громки;
И не было тогда
Въ исканіи труда;
Царевна безъ стыда
На встрѣчу къ жениху, одѣтая въ полтѣла,
Почти, сказать бы такъ, нагая прилетѣла.
Премноги красоты
Открылися въ невѣстѣ;
Но такъ какъ вѣстница, имѣя суеты,
Она не возмогла держаться долго въ мѣстѣ.
Въ началѣ первыхъ числъ
Влюбленный *Добромыслъ*,
Дивяся ей какъ чуду,
За нею бѣгалъ всюду;
Но могъ ли долго онъ за *Славой* гнаться въ слѣдъ?
Она вездѣ летала,
Трубила и болтала.
По вѣтру впослѣди пустилась далѣ въ свѣтъ,
И гдѣ сокрылася, понынѣ слуху нѣтъ.
Любовь палитъ сердца безъ дальняго разбора,
И невсегда даетъ желаемыхъ невѣстъ.
Царевичь, отдохнувъ, предпринялъ самъ поѣздъ
Къ двору, гдѣ славилась Царевна *Острозора*.
Отецъ ея бывалъ
Отцу его пріятель,
И былъ Халдейскихъ странъ сильнѣйшій обладатель;
Сидонъ и Тиръ ему овцами дань давалъ.
Въ его владѣніе Халдейскія науки,
И острыхъ словъ игра
Изъ мѣстъ, гдѣ въ цѣлый годъ гнѣздо находятъ жуки,
Вошли въ высоку честь у царскаго двора;
Въ его владѣніе цвѣла наукъ подпора,

Цвѣла, какъ вѣстно всѣмъ, премудра *Остро-зора*;
И прибылъ *Добромыслъ* къ Халдейскому двору,
Онъ въ дѣтствѣ самъ имѣлъ учителей Хал-дейскихъ,
И вѣдалъ много былъ изъ повѣстей Индѣй-скихъ,
Понравился Царю, со всѣми былъ въ миру,
Немало говорилъ съ Царевной на пиру;
Но многихъ словъ ея не могъ понять игру,
И вскорѣ
Незнаніемъ своимъ наскучилъ *Острозорѣ*.
Сраженъ ея умомъ,
Въ ничтожности потомъ
За благо разсудилъ обратно ѣхать въ домъ.
Послѣдуя тогда всего народа гласу,
Старался видѣть онъ Царевну *Милокрасу*;
Увидѣлъ наконецъ и былъ въ ея плѣну.
Но скоро впалъ въ вину:
Когда она чего желала,
Любовникъ долженъ былъ всегда желать то-гожъ,
И какъ желанья ихъ поразнилисѣ сначала,
Царевна коротко сказала: не хорошъ.
Хотяжъ сестра ея Царевна *Самохсала*,
Не такъ была горда,
Царевича она ни въ чемъ не охуждала;
Но часто безъ стыда,
Высоки похвалы сама себѣ слагала.
Любила обезьянъ, любила также клушъ,
И къ нимъ въ товарищи ей надобенъ былъ мужъ.
Царевичъ убоясь вступить на мѣсто клуши,
Отъ милостей ея бѣжалъ, заткнувши уши.

Онъ видѣлъ наконецъ премножество невѣстъ,
Представленныхъ ему въ пріятныхъ самыхъ маскахъ;
Но ихъ названья въ сказкахъ
Не заслужили мѣстъ,
И въ повѣстяхъ ихъ домы
Остались незнакомы.
Древнѣйшихъ вымысловъ отецъ
И многихъ бытностей свидѣтель,
Гомеръ повѣдалъ наконецъ,
Что встрѣтилъ *Добромыслъ* въ дорогѣ *Добродѣтель*,
Которая ему, съ безплоднаго пути,
Назначила тогда за нею въ слѣдъ идти,
Ошибки юности завѣсою покрыла,
И тако повѣсть сокрашила.

КОНЕЦЪ.

РАЗНЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДЫ ДУХОВНЫЯ

ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПСАЛМОВЪ ДАВЫДОВЫХЪ.

I.

Доколѣ буду я забвенъ,
Въ бѣдахъ, о Боже мой, Тобою?
Доколѣ будешь отвращенъ
Отъ жалобъ, приносимыхъ мною?
Доколѣ вопіять стеня?
Мое всечасно сердце рвется:
Доколѣ врагъ мой мнѣ смѣется,
Всегда въ напасти зря меня?

*

Я милости ко мнѣ Твои
Въ бѣдахъ толикихъ призываю,
Да не рекутъ враги мои,
Что я напрасно уповаю.
Спаси въ напасти мой животъ,
Въ слезахъ обрадуй и въ печали,
Дабы злодѣи то познали,
Что Ты Господь и Богъ щедротъ.

*

Будь страшенъ всѣмъ моимъ врагамъ,
Что въ злобѣ на меня стремятся,
Будь мнѣ отъ нихъ защитникъ Самъ:
Тобой ихъ сѣти сокрушатся.
Твою я милость воспою
Въ весь вѣкъ мой, данный мнѣ Тобою,
Что ты всемощною рукою
Отъ рукъ враговъ спасъ жизнь мою.

II.

Господь меня блюдетъ,
Господь и просвѣщаетъ,
И отъ юнѣйшихъ лѣтъ
Въ путь правый наставляетъ.
Съ млекомъ законъ Свой влилъ
Въ меня еще въ младенствѣ,
Дабы во благоденствѣ
Я Господа хвалилъ.

*

Хоть пагубной предѣлъ,
Назначенъ мнѣ врагами;
Мой щитъ пребудетъ цѣлъ,
Я злость попру ногами.
Что врагъ мнѣ сотворитъ,
Горящій злобнымъ жаромъ,
Коль крѣпкихъ силъ ударомъ
Господь его сразитъ?

*

Онъ щедрую простеръ
Ко мнѣ свою десницу:
Умножилъ выше мѣръ
Мой скотъ, мою пшеницу.
Пою Тебя всякъ часъ,
Источникъ благъ нетлѣнныхъ!
Внемли изъ устъ Ты бренныхъ
Моихъ хваленій гласъ.

III.

Блаженъ, кто Бога не гнѣвитъ
И истину всегда хранитъ:
Родъ онаго благословится,
И сѣмя въ вѣкъ не истребится.

*

Богатство, слава съ нимъ живетъ,
Съ нимъ праведные узрятъ свѣтъ;
Гонимымъ онъ подастъ отраду,
Съ нимъ узритъ истина награду.

*

Помощникъ нищему въ бѣдѣ
И покровитель на судѣ,
Когда онъ правдой укрѣпится,
Отъ слуха зла не убоится,

*

Онъ ей противныхъ побѣдитъ,
Безстрашно на враговъ воззритъ
И въ свѣтѣ вознесется славой;
Господь хранитъ всегда путь правой.

*

А беззаконникъ въ злобѣ зря,
И въ зависти своей горя,
Что Богъ ему не помогаетъ,
Падетъ, погибнетъ и растаетъ.

IV.

О Боже! наше Ты прибѣжище и сила,
Защита крѣпкая и помощь намъ въ бѣдахъ:
Когда бы насъ Твоя десница не хранила,
Давно бы зрѣли насъ враги въ своихъ сѣтяхъ.

*

Отъ гласа Вышняго вселенна потрясется,
Смятутся и падутъ противные предъ Нимъ;
Но имя праведныхъ тѣмъ паче вознесется,
И не прикоснется никая злоба имъ.

*

Величество и власть Творца всѣ твари славять,
Хвалу ему гласять земля и небеса;
Когдабъ забыли мы, то горы намъ представять
Безчисленны Его преславны чудеса.

*

Онъ луки и щиты злодѣйски сокрушаеть,
Свергаетъ въ ярости взнесенной гордыхъ рогъ;
Но праведныхъ всегда щедротой утѣшаетъ:
О злость! сомкни уста, защита правымъ Богъ.

~~~~~~

V.

Дактилическими стихами.

Не стремись добродѣте напрасно
Людей отъ неправды унять
Въ нихъ пороки плодятся всечасно,
Не льзя ихъ ничѣмъ исправлять.

*

Справедливость не разъ безъ заплаты,
Являла нещастны слѣды:
Времена, пролетая, крылаты
Влекутъ и встрѣчаютъ бѣды.

*

Упаси, о Всевышній Содѣтель,
Покрой въ непорочныхъ сердцахъ
Утѣсненную зломъ добродѣтель,
Всели въ беззаконныхъ Твой страхъ.

~~~~~~

VI.

Хвалите Господа небесъ,
Хвалите всѣ небесны Силы,
Хвалите всѣ Его свѣтилы,
Исполненны Его чудесъ.

*

Да хвалятъ свѣтъ Его и день,
Земля и воздухъ, огнь и воды;
Да хвалятъ рыбъ различны роды,
Пучины, бездны, мракъ и тѣнь.

*

Да хвалятъ холмы и древа,
Да хвалятъ зрѣри, гады, птицы,
Цари, владыки, сильныхъ лицы,
И всяка плошь, что Имъ жива.

*

Да хвалитъ своего Творца,
Да хвалитъ всякое дыханье:
Онъ милуетъ Свое созданье,
И нѣтъ щедротъ Его конца.

~~~~~~

VII.

Бѣдами смертными объятъ,
Я въ безднѣ ада утопаю:
Еще взвожу ослабшій взглядъ,
Еще на Небо я взираю.
Твой судъ, о Боже, правъ и святъ,
Тебя я въ помощь призываю:
Воззри, какъ грудь мою тѣснятъ
Бѣды, въ которыхъ я страдаю.
Прости, Творецъ, сію вину,
~~~~~~

Что день рожденія кляну,
Когда отъ мукъ ослабѣваю.
Ты сердца видишь глубину:
Хоть въ адскихъ пропастяхъ тону,
Но отъ Тебя спасенья чаю.

VIII.

О ты, земли и неба Царь!
Ты смертнымъ тишину приносишь:
Доколѣ злобы не подкосишь,
Отъ коей мучится вся тварь?
Доколѣ стрѣлъ на тѣхъ не бросишь,
Которы Твой скверняшъ олтарь?
Ты молніи въ десницѣ носишь:
Ты въ злыхъ перунами ударь.
Пусть ихъ совѣты сокрушатся
И чаемыхъ утѣхъ лишатся,
Не зря погибели другихъ;
А правые Твой судъ узнаютъ,
Когда злодѣи возстенаютъ,
И вѣтеръ прахъ развѣетъ ихъ.

IX.

ИЗЪ ПСАЛМА 18.

Небеса повѣдаютъ славу Божію.

Славу Божію вѣщаютъ
Неизмѣрны небеса,
И всемѣстно восхищаютъ
Бренный умъ и очеса.
Тамъ безчисленны планеты,
Въ лучезарной свѣтъ одѣты,
Въ высотѣ небесъ горя,
Образуютъ всѣмъ Царя.

*

По спусти, о смертный, взоры
Отъ небесъ пространныхъ въ долъ!
Тамъ горамъ вѣщаютъ горы,
День и нощь даютъ глаголъ;
Тамо твари удивлены,
Отъ конца въ конецъ вселенны
Произносятъ общій кликъ:
Коль Создатель ихъ Великъ!

*

О прекрасное свѣтило,
Коимъ блещетъ естество!
Не въ тебѣ ли начертило
Высшу благость Божество?
Ты, вселенну обтекая,
Отъ краевъ земли до края,
Сыплешь въ хладъ и темноту
Живоносну теплоту.

*

Бога видѣть не удобно;
Умъ смиряется предъ Нимъ;

Но законъ Его подобно
Съ солнцемъ блещетъ ко земнымъ.
Гонитъ мракъ грѣховной ночи,
Просвѣщаетъ умны очи
И живитъ весельемъ духъ,
Кто къ Нему приклонитъ слухъ.

*

Но всегда ли умъ постигнетъ,
Коль законъ сей правъ и благъ?
Боже! естьли въ зло подвигнетъ
Мысль мою коварный врагъ:
Ты святымъ Своимъ закономъ
Предъ Твоимъ блестящимъ трономъ,
Зря смятеніе души,
Путь мой свято соверши.

ОДА
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
ГОСУДАРЫНѢ
ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,
на новый 1763 годъ.

Тебѣ, Монархиня, Твоей плѣненный славой,
Любитель нѣкто Музъ подъ щастливой Державой,
Тебѣ, Виновницѣ гремящихъ въ свѣтѣ лиръ,
Творенія свои усердно посвящаетъ;
Онъ то приноситъ въ даръ, что весь приноситъ міръ,
И похвалы тебѣ языкомъ всѣхъ вѣщаетъ.

Пресвѣтлый Фебъ открылъ мнѣ гору,
Гдѣ тьмы чудесъ прельщенну взору
Являютъ сладкую мечту;
Плѣненъ видѣніемъ и слухомъ,
Къ веселью восхищеннымъ духомъ,
Божественъ хоръ внимая, чту.
О Муза, возглашая міру
Героевъ славныхъ имена,
Подай свою мнѣ нынѣ лиру
Воспѣть щастливы времена.

Не новоль солнце возсіяло!
Се новыхъ дней мы зримъ начало,
Дней радостей сугубыхъ намъ.

Внемли, Владычица земная,
Блаженство Музамъ подавая,
Иль паче, всѣмъ твоимъ странамъ,
Внемли ихъ пѣснь благопріятно:
Для нихъ торжествъ краснѣе нѣтъ,
Какъ пѣсни повторять стократно
Твоей гремящей славѣ въ слѣдъ.

*

Не въ Греческихъ странахъ прекрасныхъ,
Но на мѣстахъ Тебѣ подвластныхъ,
Монархиня, услышишь Музъ.
Взгляни ты на поля Россійски:
Услышишь пѣсни Олимпійски,
Услышишь разныхъ лиръ союзъ;
Но всѣ Тебя поютъ едину,
Поютъ и не перестанутъ пѣть
Премудрую Екатерину,
Что вѣкъ златой дала узрѣть.

*

Здѣсь царствовать желаетъ Флора,
Низпуститъ росу къ намъ Аврора
И токъ прольетъ прохладныхъ водъ;
Здѣсь Нимфы при струяхъ прозрачныхъ,
Въ сихъ рощахъ, въ сихъ долинахъ злачныхъ,
Прославятъ Твой на тронъ восходъ.
На сихъ поляхъ пространныхъ чаетъ
Зефиръ спокойно дуть всегда,
И радости не окончаетъ
Царица въ нивахъ никогда.

*

Настанетъ жизнь наукамъ перва:
Ты будешь новая Минерва,
Среди потомковъ древнихъ Музъ;
Не пакиль подъ Твоимъ эгидомъ

Божественнымъ крѣпимся видомъ,
Въ свободѣ мы отъ рабскихъ узъ?
Горѣть къ Отечеству любовью
И въ гнѣвной онаго судьбѣ,
Влiянною отъ предковъ кровью
Хранить ихъ честь, есть дань Тебѣ.

*

Намъ трудъ и подвиги всегдашны
И смертны ужасы не страшны,
Гдѣ къ славѣ Ты покажешь путь:
Средь волнъ, средь бурь, средь грозна пламя,
И гдѣ Твое увидимъ знамя,
На мѣсто стѣнъ поставимъ грудь.
Самъ Богъ на помощь намъ предстанетъ,
Разя оружiемъ Твоимъ;
Съ Твоимъ Онъ громомъ купно грянетъ,
Твой гнѣвъ и Свой покажетъ злымъ.

*

Свидѣтели тому сосѣды,
Коль славны чрезъ свои побѣды
Россiяне, смиря враговъ;
Свидѣтели тѣ войски сами,
Которы побѣждены нами
Чтутъ мужество Твоихъ полковъ.
Еще герои Росски цѣлы,
Живутъ и будутъ жить въ сынахъ:
Враги увидятъ прежни стрѣлы
И прежни громы въ ихъ поляхъ.

*

Тѣ громы, кои подъ Полтавой
И всюду предъ Петровой славой,
Стремились дерзостныхъ карать;
Главы ихъ тотъ же мечь преклонитъ,
И тотъ герой враговъ погонитъ,

Которой гналъ за степь ихъ вспять.
Но естьли грозный рокъ злодѣевъ
Ихъ дерзкой путь давно пресѣкъ:
Безъ бранныхъ дѣйствъ и безъ трофеевъ,
Монархиня, Твой славенъ вѣкъ.

*

Когда Царей мы въ мысль приводимъ,
Повсюду образъ Твой находимъ:
Тотъ жизнь хотѣлъ за всѣхъ терять,
Тотъ жертвовалъ своимъ покоемъ,
Тотъ названъ Кроткимъ, тотъ Героемъ;
Но выше чтемъ мы Россовъ Мать.
Иной во плѣнъ взялъ тьмы народа,
И силой рушивъ крѣпость стѣнъ,
Былъ Царь всего земнаго рода;
А Ты взяла сердца во плѣнъ.

*

Тобою добродѣтель блещетъ,
Обидимый не вострепещетъ
Отъ сильныхъ рукъ передъ судомъ;
Къ Тебѣ путь Правда отверзаетъ,
И Лихоимство не дерзаетъ,
Объято страхомъ и стыдомъ.
Вдова въ отчаяньи не стонетъ,
Не плачутъ бѣдны сироты:
Коль жалоба ихъ слухъ Твой тронетъ,
Помощница имъ будешь Ты.

*

Не лестью ихъ языкъ вѣщаетъ;
А то, что сердце ощущаетъ,
Монархиня, гласятъ уста.
Монархи славные дѣлами,
Не мня превознестись хвалами,
Блаженство шлютъ во всѣ мѣста.

Но сколько милость имъ природна,
Столь свойственно намъ пѣть ея;
И естьли пѣснь Тебѣ угодна,
Тѣмъ паче щастливъ буду я.

*

Благословенная Держава!
Твоя надежда, щастье, слава
И власть должны цвѣсти во вѣкъ.
Веселый слухъ подвигъ всю землю;
Въ священномъ я восторгѣ внемлю,
Слова, что цѣлый міръ изрекъ:
„Продли Ея, о Боже, лѣта,
„Продли до самыхъ поздныхъ дней;
„Они утѣхой будутъ свѣта,
„И щастьемъ всѣхъ подвластныхъ Ей."

ПѢСНЬ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

переведенная съ Италіанскаго, сочиненія Мишеля-Анжела Жіанетти.

О Ты, Которая, щастливою судьбою,
Въ побѣдахъ царствуешь надъ Россскою страною;
Тебѣ вручившее Державу Божество,
На безконечное Россіи торжество,
Судило, чтобъ весь свѣтъ, дивяся, былъ овидѣтель,
Колико можетъ въ немъ со властью добродѣтель.
Піитовъ ревностныхъ Тобой плѣненный духъ,
Съ восторгомъ дѣлъ Твоихъ, внимая громкой слухъ,
Достойно пѣть Тебя всѣ силы напрягаетъ,
И всюду о Тебѣ гласить не умолкаетъ.
Въ странѣ, гдѣ солнце въ міръ ліетъ сугубой свѣтъ,
Вселяетъ жаръ къ стихамъ и пѣть Тебя зоветъ
Питомецъ чистыхъ Музъ древнѣйша Геликона:
Плѣняясь славою величественна трона,
Дерзаетъ въ ревности плести вѣнцы для Той,
Которая даетъ Россіи вѣкъ златой.
Прости, Монархиня, коль дерзко предпріемлю:

Тобою ободренъ, я всюду гласъ Твой внемлю;
Божественный сей гласъ, который чтитъ весь,
мiръ
И пѣснь Тебѣ поетъ среди гремящихъ лиръ.

Пространство обозрѣвъ земель подъ небесами,
Гдѣ славились Цари, какъ боги чудесами,
Я зрю — слѣдами ихъ наполненъ Океанъ
И Предковъ чту Твоихъ великолѣпной санъ;
Къ защитѣ на земли благотворящей Вѣры,
Ихъ славныя дѣла и славные примѣры.
Но въ морѣ сихъ чудесъ теряется мой взоръ;
Пускай красуется ихъ свѣтлыхъ душъ соборъ,
Въ селеньяхъ вѣчности Твоимъ блистая свѣтомъ
И славы чтя Тебя достойнѣйшимъ предметомъ:
Я имъ послѣдую, оставлю блескъ ихъ дѣлъ,
Коль должно, чтобъ я въ нихъ Тебя едину пѣлъ.
Великаго Петра Преемница Державы
И истинной Его Любительница славы,
Нося Его труды, любя Его законъ,
Его имѣя духъ и царствуя, какъ Онъ,
Ты разумъ мой влечешь къ Тебѣ единой нынѣ,
И отъ Петра мой стихъ течетъ къ
Екатеринѣ.
Ты тако царствуешь и правишь Твой народъ,
Что долженъ чтить Тебя и позданый смертныхъ родъ.
Отъ подданныхъ Твоихъ дни, щастьемъ изочтенны,
Не будутъ никогда забвеньемъ помраченны.
Куда ни обратятъ Россiяне свой взглядъ,
Увидятъ образъ Твой, увидятъ тьму отрадъ.
Такъ солнце землю всю живитъ и освѣщаетъ,

И каждый, зря его, отраду ощущаетъ;
Но отъ Твоихъ щедротъ тишайшій льется свѣтъ,
Плѣняетъ сердце онъ и умъ къ себѣ влечетъ.

Твое владычество во свѣтѣ надъ Царями,
Твое могущество надъ сушей, надъ морями,
Явили на земли Юпитерову власть:
Минерва предъ Тобой и боги должны пасть.
Коль свѣтъ превозносилъ ихъ мнимую державу,
Въ Тебѣ онъ прямо чтитъ божественную славу.
Петромъ основанный, преславной нынѣ градъ,
Гдѣ прежде царствовалъ единый только хладъ,
Гдѣ пахатель сперва, трудясь, нуждался въ пищѣ
И отдалялъ свое отъ оныхъ мѣстъ жилище,
Сей градъ, красуяся во области Твоей,
Подобенъ Риму сталъ среди щастливыхъ дней;
Отверзъ убѣжище пріятное народу
И животворную явилъ наукамъ воду.
Художествъ тщатели и быстрые умы
Текутъ подъ Твой покровъ, текутъ народовъ тмы.
Ты къ пользѣ подданныхъ и къ собственной ихъ славѣ,
Желая просвѣтить людей въ Твоей Державѣ,
Простерла щедрую десницу ко брегамъ,
Гдѣ Музы избрали себѣ угодной храмъ.
Екатерининъ гласъ всегда межъ ихъ твердится.
Щастливая Нева предъ Тибромъ днесь гордится.
Столико Римъ блисталъ, вселенной давъ законъ,

Колико славенъ Титъ, Траянъ и Сципіонъ (*),
Непобѣдимыхъ войскъ достойной предводитель
И Африканскихъ силъ прехрабрый побѣдитель:
Всю славу, что явилъ героевъ полной Римъ,
Всю славу сихъ мужей въ Тебѣ единой зримъ.

Среди Героевъ сихъ отлично Ты блистаешь,
И въ подданныхъ Твоихъ геройской духъ питаешь.
Подобно солнечнымъ сіяющимъ лучамъ,
Которы новой вдругъ являютъ блескъ очамъ,
Встрѣчаясь съ твердыми прозрачными тѣлами,
Героевъ Ты творишь геройскими дѣлами.
Трудовъ и подвиговъ и ревности ихъ плодъ
Являетъ образъ всѣхъ Монаршескихъ добротъ,
Которыя свои лучи повсюду мещутъ,
И добродѣтелью Твоей народы блещутъ.
Она повсюду тамъ въ Россіянахъ видна,
Гдѣ къ истинѣ любовь предводитъ ихъ одна,
Гдѣ честь, достоинства, исторгнуты изъ тѣни,
Восходятъ на свои имъ должные степени;
Гдѣ правда тихая смиряетъ гордой нравъ,
И человѣчества внушается уставъ;
Гдѣ Марсъ болѣзнуетъ, явя свирѣпство въ полѣ,
И укрощается, зря Кротость на Престолѣ;
Гдѣ чтится мужество и вѣрность тѣхъ сердецъ,
Которы отъ Нея пріемлютъ свой вѣнецъ.
Щастливая страна! народъ сто краты блаженной!

(*) Сципіонъ младшій.

Ты видишь Божества въ Ней образъ совершенной,
Ты видишь паки въ Ней Астрею на земли.
Внемли, Монархиня, Ты смертныхъ гласъ внемли,
Которые Тобой блаженство ощущаютъ:
Се море и земля хвалу Твою вѣщаютъ.
Премудрые Твои уставы намъ гласятъ,
Коль праведенъ Твой судъ и коль законъ Твой святъ,
И сколь желаешь Ты, о пользѣ всѣхъ радѣя,
Чтобъ сирый не стеналъ отъ сильнаго злодѣя.
Гласятъ любители художествъ и наукъ,
Монархиня, Твоей внимая славы звукъ,
Что подданныхъ Ты вкусъ и разумъ возвышаешь,
И добродѣтельми ихъ нравы украшаешь.
Отъ юныхъ лѣтъ горя усердіемъ къ Тебѣ,
Воспитанны Тобой въ прещастливой судьбѣ,
Младенцы самые, единодушнымъ кликомъ,
Тебя, какъ Россовъ Мать, чтутъ сердцемъ и языкомъ.
Щастливые торги во области Твоей,
Тебя въ избыткѣ благъ, Минервой чтутъ своей,
И изобиліе нося въ Твою Державу,
Гласятъ, колико Ты умножила ихъ славу.
Различны жители Восточныя страны
Единымъ именемъ и слухомъ плѣнены,
Россійской Матери, Богини и Царицы,
Съ надеждою Тебѣ вручаютъ ихъ границы;
И зря къ Монархинѣ любовь Ея сыновъ,
Гласятъ: прими и насъ, прими во Свой покровъ.

Угрюмый богъ морей, покояся донынѣ,
Искалъ глубокаго убѣжища въ пучинѣ;

Трезубцемъ волны онъ морскія усмирялъ
И въ мрачныя себя пещеры затворялъ.
Но тягостью судовъ внезапно удрученной,
Склоняетъ свой хребетъ, и зря на токъ смущенной,
Гдѣ роютъ новой путь летящи Эины въ Понтъ,
Внимаетъ надъ водой шумящій горизонтъ:
Послушны вѣтры имъ, благопоспѣшно вѣя,
Казалось, царство водъ отъемлютъ у Нерея.
Сей богъ, изъ бездны волнъ зря смѣлость такову,
Подъемлетъ тиною покрытую главу,
И очи мутныя возведъ на воздухъ влажной,
Вѣщаетъ: кто дерзнулъ вступить въ сей путь отважной?
Но лишь увидѣлъ онъ Екатерининъ флагъ,
Простертъ упалъ предъ Ней, желая Россамъ благъ.

Онъ рекъ, и гласъ его раздался надъ водами:
„Да чтитъ покрытый Понтъ Россійскими судами,
„Толь свято властъ Ея и купно мой законъ,
„Колико славою Ея возвышенъ Тронъ.
„Пространство все моей надъ токами державы
„Не можетъ умѣстить побѣдъ Ея и славы.
„Великій Александръ, Царемъ половѣка ставъ,
„Когда бы нынѣ жилъ, Ея бы чтилъ уставъ.
„Великъ и славенъ онъ побѣдъ своихъ вѣнцами:
„Но царствуетъ одна щедрота надъ сердцами;
„И свѣтомъ обладать достойна только Та,
„Котора къ щастію отверзла всѣмъ врата.
„Эолъ! Монархини ты нраву подражая,
„Не дуй на флотъ Ея отъ сѣвернаго края.

„Будь тихъ подобно Ей, смири свой бурный вѣтръ,
„Пусть царствуетъ Она въ срединѣ водныхъ нѣдръ;
„Пусть свѣтлы Небеса, бывъ Ей благопріятны,
„Явятъ, колико имъ Ея желанья внятны;
„Пусть тихимъ воздухомъ Ея предводятъ слѣдъ,
„Для щастья общаго и для Ея побѣдъ;
„Пусть Турковъ въ гибели невѣрный родъ познаетъ,
„Что тщетно на свои онъ силы уповаетъ,
„Дерзая колебать вселенныя покой
„И Россовъ раздражать военною рукой.
„Пускай Монархиня, почтенная вѣнцами,
„Блаженствомъ подданныхъ и вѣрными сердцами,
„Великимъ именемъ, божественнымъ умомъ,
„Коль хочетъ, миръ даетъ; коль хочетъ, мещетъ громъ."

Онъ праведно изрекъ, побѣдъ Твоихъ свидѣтель.
Въ войнѣ благословилъ Тебя небесъ Владѣтель
И руку мощную простеръ изъ облаковъ,
Разящую вездѣ невидимо враговъ.
Не въ долгомъ времени трепещуща ихъ сила,
Почувствовала страхъ, который наносила.
Бѣгущихъ Агарянъ смущенные полки
Поверглись въ ихъ крови отъ Росскія руки.
Любитель мирныхъ дней, покоя и отрады,
Отважно шелъ на брань, зря щитъ своей Паллады;
Забывъ оливну вѣтвь щастливыхъ береговъ,
Какъ левъ разгнѣванный, стремился на враг

Тамъ въ подданныхъ любовь къ Россійской
Героинѣ
Вселяла бодрой духъ на сушѣ и въ пучинѣ.
Дабы явить Тебѣ усердія ихъ плодъ,
Имъ не было препонъ среди огня и водъ.
Надежды лучь съ Небесъ къ Россіянамъ спу-
стился,
Но мрачной облакъ вдругъ надъ Турками сгу-
стился;
Надъ вѣрными тогда сіялъ побѣды день,
И вражески полки покрыла вѣчна тѣнь.
Я зрю трепещущу Турецкую державу,
И собственну въ войнѣ піющую отраву;
Луна во облакахъ, зардѣвшись, кроетъ видъ,
Желая навсегда скрыть свой и Турковъ стыдъ.

Къ вамъ нынѣ обращу я мысленные взоры,
Къ вамъ, рѣки и брега, ручьи, поля и горы,
Гдѣ Марсъ во ужасѣ взиралъ на страшный
слѣдъ
Россійскихъ храбрыхъ силъ, на дѣйство ихъ
побѣдъ,
И гдѣ изъ челюстей орудій раскаленныхъ
Летала съ ревомъ смерть на Турковъ изумлен-
ныхъ;
Гдѣ бѣгство препиналъ ручьевъ кровавыхъ
токъ,
И дерзостныхъ враговъ постигъ лютѣйшій
рокъ:
Преславныя мѣста дѣлами войскъ преславныхъ,
Свидѣтели побѣдъ надъ Турками недавныхъ!
Вы новое открывъ тамъ зрѣлище чудесъ,
Которыя творилъ Россійскій Геркулесъ,
Съ коликой радостью вы оной гласъ внимали,
Когда Россіяне побѣду восклицали,

Когда Монархиня у всѣхъ была въ устахъ,
Когда побѣды гласъ раздался въ Небесахъ!
Екатериною мѣста вы были полны,
И грозно Имя то несли къ невѣрнымъ волны;
Иль паче славою взносимое до звѣздъ,
То Имя, Туркамъ въ страхъ сіяетъ, съ горнихъ мѣстъ.

Царица Амазоннъ (*), презрѣвъ и слабость пола,
Презрѣвъ и свой покой и сладости Престола,
Сама дерзнула стать въ геройскіе слѣды
И чрезъ военные прославилась труды.
Но духомъ смѣлая, Россійская Паллада,
Не отлучаяся изъ царственнаго града,
И правя областью у тихихъ береговъ,
Спокойно шлетъ оттоль перуны на враговъ.
Юпитеръ тако гнѣвъ злодѣямъ возвѣщаетъ,
И громъ и молнію отъ высоты пущаетъ:
Бросай, Монархиня, бросай Свой сильной громъ,
И усмири враговъ, которы дышутъ зломъ.

Тебѣ, о славный вождь, великодушный воинъ,
Она вручаетъ власть, которой ты достоинъ:
Тебѣ природна честь, и свойственъ долгъ Орловъ (**),
Спасать Отечество, карать его враговъ:
Тебѣ покорствуютъ и самыя стихіи,
И вѣтры брань ведутъ въ моряхъ за честь Россіи.
Тамъ ревностной твой братъ (***) Богининъ гнѣвъ несетъ,

(*) Фермодонта.
(**) Графъ Алексѣй Григорьевичъ.
(***) Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ.

Летитъ средъ молніи, рветъ воздухъ, твердь трясетъ,
И съ равной силою какъ вѣтръ съ Востока гонитъ,
Встрѣчая хладной вѣтръ, онъ крѣпки мачты клонитъ,
Огромныя суда преобращаетъ въ прахъ;
Отчаянныхъ разитъ уже единой страхъ.
Дерзай, Монархиня, къ Тебѣ любовью полны,
Россіяне попрутъ безстрашно огнь и волны,
Они Твой Тронъ и Скиптръ составя изъ сердецъ,
За добродѣтели плетутъ Тебѣ вѣнецъ;
За добродѣтели Твои Ты узришь вскорѣ,
Твою простерту власть на сушѣ и на морѣ;
Ты узришь во стыдѣ невѣрной Турковъ родъ,
И въ новомъ торжествѣ Твой щастливой народъ;
За добродѣтели получишь міръ въ награду,
И сердцу Твоему любезную отраду,
Когда оружія престанетъ въ полѣ шумъ,
И будетъ въ тишинѣ покоиться Твой умъ.
За добродѣтели художества свободны
Явятъ свои плоды, которы имъ природны.
Гоня невѣжество и злобу отъ сердецъ,
Ихъ общимъ Божествомъ Ты будешь наконецъ.

И се изъ облаковъ я гласъ предвѣчной внемлю!
Божественны Судьбы, дая законъ на землю,
Вѣщаютъ сладкія пророчества слова,
Что вѣрнымъ будешь Ты подсолнечной глава.
Византія къ Тебѣ колѣна преклоняетъ,
И радость тайную въ сердцахъ распространяетъ.
Тебя зоветъ своей Царицею Востокъ,

И Нилъ во срѣтенье къ Тебѣ ліетъ свой токъ.
Елена (*) вопіетъ: спаси Екатерина,
Воздвигни Церковь Ты, воздвигни Константина!
Тебѣ вручаю я оружіе и честь,
Дабы за Вѣру Ты простерла общу месть.
Тебѣ я Греческой Престолъ препоручаю,
Тобою на земли торжествовать я чаю;
Тобою Истина должна взойти на Тронъ,
И Твой распространить въ подсолнечной законъ.

О Муза! въ ревности должна хранить ты мѣру,
Коль въ пѣсняхъ подражать не можешь ты Гомеру.
Преславной сей пѣвецъ престалъ бы пѣть боговъ,
Зря ново Божество у Невскихъ береговъ;
А ты, имѣя гласъ нехитростной свирели,
Оставь, чтобъ боги пѣснь Богинѣ новой пѣли.
Умолкни и проси прощенія предъ Ней,
Дерзнувъ Ее хвалить въ преданности своей.
Довольно славится едиными дѣлами,
Сія, Котору мнишь ты славить похвалами.
Ей истина плететъ безсмертные вѣнцы,
И слухъ о Ней прошелъ во всѣ земли концы.
О Муза! прекрати ты пѣснь и будь спокойна,
Умѣренность въ стихахъ есть паче намъ пристойна.
Коль даръ усердію не можетъ отвѣчать,
Пристойно чтить Ее, дивиться и молчать.

(*) Святая Елена, благовѣрная Царица Греческая, мать Святаго Царя Константина.

ПЕРЕВОДЪ

СТИХОВЪ Г. ВОЛТЕРА,

славнаго Французскаго Писателя.

Наперсница боговъ, любящихъ Росской Тронъ,
Гдѣ правда высится и разумъ просвѣщенной,
Гдѣ купно царствуютъ Марсъ, Ѳемисъ, Аполлонъ,
Оставя въ Небесахъ безсмертныхъ ликъ священной:
О Ты, Которая надъ силами враговъ
И надъ невѣжествомъ во славѣ торжествуешь;
Въ достойной ревности героевъ и боговъ,
Свободу давъ умамъ, путь онымъ показуешь:
Подай мнѣ лучь Твоей божественной души
И старость обнови усердьемъ воспаленну;
Что долженъ я писать, Ты мнѣ сама внуши,
Отъ Сѣвера днесь свѣтъ ліется во вселенну.

Мнѣ мерзокъ таковой, Монархиня, тиранъ,
Который въ гибели народовъ ищетъ славы;
И не могу терпѣть, чтобъ въ варварствѣ Султанъ
Надъ человѣчествомъ являлъ бездушны нравы;
Чтобъ дерзкою рукой безсовѣстной Паша
Ругался завсегда надъ Христіанской кровью;
Иль чтобъ Визирь дѣла неправедно рѣша,
Велѣлъ давить людей, смѣяся плачу вдовью;
Султанъ въ невѣжествѣ давилъ бы Визиря,
И въ праздности ихъ смерть считалъ себѣ забавой:

Толь гнусны, варварски и звѣрски нравы зря,
Мой разумъ напоенъ смертельною отравой.

О вы, которыхъ намъ изобразилъ Платонъ,
То милующихъ насъ, то въ гнѣвѣ къ намъ гремящихъ:
Коль смертныхъ жалобы предъ вашъ восходятъ Тронъ,
Властители Судебъ, нашъ умъ превосходящихъ,
Проснитесь въ Греціи, возставьте вашу власть
Для чести вашихъ странъ и для Екатерины,
Котора равную имѣетъ съ вами часть,
Наполня славой Понтъ и удивя Аѳины.
Предшествуйте Ея оружію въ моряхъ,
Пустъ воины Ея достигнутъ къ Марафону,
У Саламинскихъ стѣнъ разсыпьте новой страхъ,
Платейскихъ крѣпостей разрушьте оборону.
Гомеръ и Геркулесъ взираютъ смутны къ намъ,
Достойнаго плода не зря въ потомкахъ болѣ;
Ихъ отрасль подражать не смѣя праотцамъ,
Трепещетъ предъ Агой иль въ рабствѣ иль неволѣ.
Цирцея нѣкогда волшебнымъ мастерствомъ
Подобны чудеса на пагубу творила;
Стихіямъ давъ законъ и правя естествомъ,
Улиссовыхъ пловцовъ въ скотовъ преобратила.
Но въ прежне существо героевъ превратить,
И оныхъ божеству подобиться неложно,
Возставить славу ихъ и разумъ просвѣтить,
Екатеринѣ то единой лишь возможно.
Воскреснетъ Греція, Ея внимая гласъ,
Къ побѣдамъ новыя откроетъ ей дороги;
Воскреснетъ въ торжествѣ ликующій Парнассъ,
Воскреснутъ слава тамъ, законъ, науки, боги.

Другіе выгодой земель одарены,
Заимствуютъ свое блаженство отъ климата:
Но въ Сѣверѣ Творецъ прещастливой страны
Простеръ довольство благъ среди неплодна блата.

И гдѣ Великій Петръ людей содѣлать могъ,
Екатерина тамъ содѣлала героевъ.
Ея великій духъ, какъ нѣкой сильной Богъ,
Полезной смыслъ даетъ, предшествуетъ средь боевъ.

Таковъ быть долженъ Царь, коль хочетъ дать примѣръ
Къ пріобрѣтенію правдивой въ жизни славы,
Коль хочетъ, чтобъ народъ сердца и умъ простеръ
Пріять въ надеждѣ благъ законъ и честны нравы.

Монархъ, писатель книгъ (*), разумно написалъ:
Какъ Авгуспъ въ Польшѣ пилъ, народъ всегда былъ въ пьянствѣ.
И коль не можетъ Царь снискать себѣ похвалъ,
Народъ теряетъ умъ въ безчестнѣйшемъ подданствѣ.

Равно когда Султанъ, отягощенный сномъ,
Въ роскошной слабости о подданныхъ не мыслитъ,
Безъ пользы предстоятъ Паши его кругомъ,
Которыхъ онъ совѣтъ въ своихъ подпорахъ числитъ.

Но бодрствуя всегда среди своихъ побѣдъ,
Не тако областью Екатерина правитъ.
Она оружіемъ предупреждая вредъ,

(*) Фридерикъ второй, Король Прусской.

Блаженство въ торжествахъ Свое и Россовъ
славитъ.
Довольство множитъ ихъ прещедрою рукой,
Пріемлетъ на себя стараній должныхъ бремя,
Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой
И межь трудовъ ко мнѣ писать находитъ время.
Въ то время Мустафа, гордясь предъ Визиремъ,
Въ чертогахъ роскошью безчувственною дышетъ,
Зѣваетъ въ праздности, не мыслитъ ни о чемъ,
И никогда ко мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишетъ.

Внезапно Кегая приноситъ грозну вѣсть,
Его Султанскаго Величества къ печали,
Что въ морѣ вождь его теряетъ флотъ и честь,
Что войска съ Визиремъ отъ Россовъ побѣжали,
Что стали ужь не ихъ Нимфея и Колкосъ,
Гдѣ такъ равно Помпей гналъ прежде Митридата.
Не знавъ Помпея онъ, чудится на доносъ,
Не трогаетъ его людей своихъ утрата.
О Боже, всѣхъ Творецъ, Властитель нашихъ
дней!
Я славлю власть Твою и чту Твои уставы,
Но долженъ чувствовать, что къ пагубѣ людей
Тирану глупому даешь надъ свѣтомъ правы.
Екатерина, мстя за Россовъ и за честь,
По человѣчеству явила всѣмъ услугу:
Во обществѣ и я благодарю за месть,
Ревнуя въ чувствіи всему земному кругу.
Сверши, Монархиня, сверши Твои дѣла:
Конечно Божество Тебѣ преднадписало,
Чтобъ къ страху ты привесть и къ разуму
могла,
Султана и невѣждъ, которы мыслятъ мало.

~~~~~~
~~~~~~

ПЕРЕВОДЪ

СТИХОВЪ Г. МАРМОНТЕЛЯ,

Французскаго Писателя.

~~~~~~~

О Ты, Которая въ законахъ и геройствѣ
Ревнителей Твоихъ далеко превзошла,
И славнѣйшій примѣръ Монархамъ подала,
Пещися подданныхъ о щастьи и спокойствѣ:
Являй всегда твоей величество души,
И славныхъ дѣлъ твоихъ начатки соверши!
Щастливому въ твоемъ владѣніи народу,
Осталося имѣть едину лишь свободу (*);
Единой вольности ему недостаетъ,
Чтобъ щастіе его тѣмъ было совершенно.
То время есть признакъ благословенныхъ лѣтъ,
Когда достойнства цвѣтутъ безпринужденно.
Щедрота такова и толь безцѣнной даръ
Обильнѣйшій прольетъ источникъ благоденства;
Художны вымыслы земной украсятъ шаръ,
Науки новыя откроютъ совершенства,
И добродѣтелей любезна будетъ честь:
Изъ рабства истина начнетъ вѣнцы имъ плесть.
Таланты подъ Твоей возлюбятъ жить Державой,
Въ преизобиліи довольства и добра,
И удивленна тѣнь Великаго Петра
Признается, что Ты Его превысишь славой.

~~~~~~~

(*) Сіи стихи писаны, чаятельно, прежде заведенія въ Санктпетербургѣ Академіи Свободныхъ Художествъ; или Г. Мармонтель не имѣлъ тогда извѣстія ни о семъ заведеніи, ни о вольности въ Россіи. *Примѣчаніе Сочинителя.*

ОДА,

СОЧИНЕННАЯ

ОЧАКОВСКИХЪ ПОЛЕЙ ПАСТУШКОЮ

НА ВЗЯТІЕ ОЧАКОВА.

Монархиня обширныхъ странъ,
Которой безпримѣрну славу
Гласитъ земля и Океанъ,
И чтитъ ревнительно Державу,
Котору щедро Божество
Поставило превыше троновъ,
На безконечно торжество
Своихъ священѣйшихъ законовъ!

*

Твой громъ, иль паче громъ Небесъ,
Умножилъ трепетъ водъ Ѳракійскихъ;
Но я, подъ тѣнію древесъ,
У стада на поляхъ Ольбійскихъ,
Имѣя въ жизни малу цѣль,
Могуль, достойно предъ тобою,
Пастушью тихую свирель
Мѣшать съ военною трубою?

*

Не паки ли чудовищь ревъ
Блюдетъ въ стѣнахъ руно златое?
Не паки ли Ахилловъ гнѣвъ
Разсыпалъ ужасъ въ новой Троѣ?
Мутитсяль вновь Босфора токъ
Приходомъ Игорева сына?
Или во мрачности Востокъ
Пріемлетъ свѣтъ отъ Константина?

*

Бѣгу, спѣшу на холмѣ сѣсть,
Дабы узрѣть геройски споры:
О коль пріятну слышу вѣсть,
Къ Очакову возведши взоры;
Вотще повсюду смерть претитъ
Геройскаго отвагу слѣда,
Уже въ стѣнахъ твой мечь блеститъ,
Твердится Руская побѣда.

*

Сквозь воплѣ внимаю кроткій гласъ,
Къ пощадѣ нѣжныхъ лѣтъ и пола:
„Она губитъ не ищетъ васъ,
„И къ вамъ снисходитъ со Престола:
„Она, могущею рукой,
„Караетъ гордость лишь едину:
„Познайте Ею вашъ покой,
„Познайте вы Екатерину."

*

Сей гласъ коснулся всѣхъ сердецъ:
И я остатокъ древнихъ Грековъ,
На пажитяхъ моихъ овецъ,
Любя спокойство человѣковъ,
Дерзнула, въ радости моей,
Воспѣть, что всѣ поютъ народы:
Да продлитъ Богъ, до поздныхъ дней,
Твои безцѣнны міру годы.

~~~~~~~
~~~~~~~

ПѢСНЬ

НА ПОБѢДУ, ОДЕРЖАННУЮ РОССІЙСКИМЪ ОРУЖІЕМЪ НАДЪ ШВЕДСКИМЪ ГАЛЕРНЫМЪ ФЛОТОМЪ, АВГУСТА 13 ДНЯ 1789 ГОДА.

~~~~~

Не вновь ли гордый Фараонъ
Возсталъ отъ Сѣвернаго края,
Мечтаетъ морю дать законъ,
На многи силы уповая.

*

О Богъ Россіянъ, Богъ Петровъ,
О сильный Богъ Екатерины!
Не паки ли Твоихъ враговъ
Жезломъ низвергнулъ Ты въ пучины?

*

Разгнѣвавъ грозны Небеса,
Вотще спасаются при брегѣ,
За рвы, за камни и лѣса,
Ища себѣ отрады въ бѣгѣ.

*

Повсюду ихъ сражаетъ громъ,
Екатеринѣ порученный:
Се Богъ караетъ ихъ судомъ,
Се Богъ, во гнѣвѣ раздраженный.

*

Воззрите, буйные умы,
На земли трупами устланны,
Исчислите сраженныхъ тмы,
Изчислите свои вы раны.

*

Въ ожесточеніи сердецъ,
Не вѣря повсемѣстной славѣ,
Увидѣть дерзости конецъ
Ещель влечетесь вы къ Полтавѣ?

*
~~~~~

Россіянъ ново торжество
Вамъ нову жизнь начертаваетъ:
Побѣдоносно Божество,
Едину гордость лишь караетъ.

*

А вы, отечества сыны,
Которыхъ сродники и други
Изъ вашихъ нѣдръ извлечены
Явить толь славныя услуги!

*

Когда кому опасный рокъ,
Храня оставшихъ жизнь въ покоѣ,
Судилъ скорѣе жизни токъ
Скончать въ кровопролитномъ боѣ.

*

Отрите рѣки вашихъ слезъ,
Достойныхъ таковой потери:
Кто жизнь свою на жертву несъ,
Тотъ шелъ безсмертія во двери:

*

Колико въ жизни есть скорбей,
Снѣдающихъ сильнѣй отравы!
Колико въ свѣтѣ есть смертей
Безъ общей пользы и безъ славы!

*

Коль должно въ жизни брань имѣть
И пасть противу вѣроломства:
Щастливъ, кто можетъ умереть
И послѣ жить въ сердцахъ потомства.

~~~~~~
~~~~~~

ПѢСНЬ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

ИМПЕРАТРИЦѢ И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА.

На миръ со Швеціею 1790 года.

Не новоель міровъ свѣтило
Румяное лице открыло
Разсѣять мракъ угрюмыхъ тучь?
Смиряясь грозные перуны
Ліютъ на землю тихой лучь.
Ударилъ Ѳебъ въ златыя струны,
Звучитъ въ пресвѣтлыхъ торжествахъ,
Звучитъ, и къ радостному звону
Зоветъ веселую Помону,
Церера скачетъ на лугахъ.

*

Холмы Парнасски возсіяли,
И Музы купно восплескали,
Узря ея спокойный ликъ.
О коль любезная превратность!
Черты щастливѣйшихъ владыкъ,
Очей тишайшая пріятность,
Влекутъ и восхищаютъ умъ.
Какія радости ліются!

Какія пѣсни раздаются!
Какой веселый слышенъ шумъ!

*

Полимнія, простерши руки
На мирныя въ градахъ науки,
Являетъ поле новыхъ дѣлъ,
Гдѣ зиждущи умы безъ брани
Устроили блаженство селъ,
И всѣхъ стихій сугубятъ дани.
Ермій во глубинѣ земли
Оставленный металлъ находитъ,
И въ морѣ безмятежно водитъ
Избыткомъ полны корабли.

*

Всегдашній общества питатель
И неизмѣнный другъ, оратель,
Въ смиреннѣйшихъ своихъ трудахъ,
Безъ страха онъ погодъ суровыхъ,
Въ простыхъ спокойствія вѣнцахъ,
Браздитъ поверхъ полей лавровыхъ,
И гдѣ разила всѣхъ война,
Онъ тамо, въ нѣдрахъ благодатныхъ,
Съ надеждою добычь стократныхъ,
Землѣ ввѣряетъ сѣмена.

*

Различныя въ талантахъ Музы,
Сугубя межъ собой союзы,
Вершатъ блаженство тихихъ дней.
Одна искусными чертами
Одушевляетъ видъ вещей,
Другая флейтой, иль струнами,
Иль пляской радость въ чувства льетъ;
Одна, любя ума забаву,

Поетъ въ стихахъ героевъ славу,
Другая мирну пѣснь поетъ.

*

О коль блаженна ты, Россія!
Подай, божественная Клія,
Подай ты мнѣ свои черты,
Укрась мою простую ревность,
Открой мнѣ слога красоты,
Представь дѣяніи славныхъ древность.
Но ты правдивою рукой
Премноги вѣки затлаждаешь,
И паче славить научаешь
Екатерининъ вѣкъ златой.

*

Не страшны бури въ нѣдрахъ нѣги;
И естьли грозныхъ тучь набѣги
Мрачатъ часами ясный день,
Мы чувствуемъ живѣе радость,
При солнцѣ вспомнивъ прежню тѣнь;
По горестяхъ пріятнѣй сладость:
Подобно милость къ намъ Небесъ,
Чтобъ щастье лучше мы вкушали,
Разсыпавъ скорби и печали,
Даетъ отрадамъ полный вѣсъ.

*

Превѣчной Истины законы,
Которы утверждаютъ троны
И силой мужества стрегутъ,
Даруя честь побѣдъ и славу,
Героевъ наконецъ ведутъ
Ко общему людей уставу.
Войны сурово ремесло
Союзныхъ правъ не измѣняетъ,
И ратника равно вчиняетъ
Въ щастливое гражданъ число.

*

Уже въ величествѣ Россія
Останковъ гордаго Батыя
Не числитъ межь своихъ враговъ;
Пространной ризою одѣта,
Уже объемлетъ въ свой покровъ
Далекія границы свѣта;
Подъ сѣнію своихъ раменъ,
Отъ Тихихъ водъ до волнъ Балтійскихъ
Отъ Сѣвера до горъ Каспійскихъ,
Вмѣщаетъ разныхъ тмы племенъ.

*

Въ толико вожделѣнной долѣ,
Чего желать осталось болѣ,
Россіи вѣрные сыны?
Блюсти спокойствія уставы
И въ нѣдрахъ сладкой тишины
Достичь до новой мирной славы.
Блаженны Царства и Цари,
Когда свое блаженство строя,
Во злакахъ тихаго покоя
Союзны зиждутъ олтари.

ПѢСНЬ

НА МИРЪ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ 1792 ГОДА.

Вѣнецъ геройственныхъ трудовъ
И край желаній смертныхъ рода,
Сладчайшій миръ! тобой природа,
Въ пресвѣтломъ торжествѣ вѣковъ,
Небесному подобясь чину,
Безбѣдный царствуетъ покой,
Чтобъ тѣмъ почтить Екатерину
И предписать Ея рукой,
За подвиги Ея въ награду,
Блаженство селъ и Царствъ отраду.

*

О Ангелъ тихихъ нашихъ дней,
Торжествъ лучами озаренныхъ!
О Матерь милостью призрѣнныхъ
Племенъ во области Твоей!
Когда воззришь на разны лики,
На славный дѣлъ Твоихъ вѣнецъ,
Когда услышишь общи клики
Летящи изъ среды сердецъ;
Позволь усердію чертами
Изобразить Тебя предъ нами.

*

Шумящій хоръ, со звукомъ лиръ,
Предходитъ въ пѣсняхъ предъ Тобою,
И громогласною трубою
Звучитъ Твои побѣды въ міръ.
Но Музы тихо помаваютъ,
Являя ново торжество,
И Аполлона воззываютъ

Возставитъ мирно Божество.
Безмертныхъ сонмъ, склонясь къ Парнассу,
Приникъ внимательно ко гласу.

*

Вселенныя по всѣмъ краямъ
Веселы звуки пронеслися,
Священны пѣсни раздалися,
И воскурился ѳиміамъ.
Богиня браней и раздоровъ,
Узря пріятность тишины,
Смягчаетъ видъ угрюмыхъ взоровъ,
Обыкшихъ къ ужасамъ войны,
Свой грозный факелъ погашаетъ
И сладкой миръ провозглашаетъ.

*

Облегшаясь на снопъ рукой,
На тронѣ, листвіемъ устланномъ,
Въ покровѣ, изо льна истканномъ,
Подобномъ снѣгу бѣлизной,
Чуждаяся вражды и гнѣва,
Кротчайшей радости полна,
Подъ сѣнію густаго древа
Сидитъ любезна Тишина,
И въ областяхъ Екатерины
Готовитъ сѣять новы крины.

*

Вокругъ ея, изъ самыхъ блатъ;
Спокойствіемъ произращенны,
Желтѣютъ класы позлащенны
Между лазурныхъ ароматъ.
Куда она ни вскинетъ взоры
Живительныхъ своихъ очесъ,
Поющихъ всюду слышитъ хоры,
Въ поляхъ, въ оградахъ, межъ древесъ,

И гдѣ рука ея коснется,
Тамъ вся природа разсмѣется.

*

Упорной силой раздраженъ
Ревнитель Росскаго геройства
Ещель чуждается спокойства,
Еще ли Марсъ вооруженъ?
Покрытъ златыми чешуями,
Мечемъ противникамъ грозитъ,
Сверкаетъ ярыми очами
И пасмуритъ свой смутный видъ.
Прервались вдругъ торжествъ союзы,
Утихли хоры, смолкли Музы.

*

Дерзни на Россовъ кто возстать,
Во гнѣвѣ громко Марсъ глашаетъ,
И, мечь изсунувъ, поспѣшаетъ
Воздвигнуть кровολитну рать,
Готовъ сожечь противныхъ флоты,
Разсѣять ужасъ на моряхъ,
Готовъ крѣпчайшихъ стѣнъ оплоты
Разсыпать и развѣять въ прахъ,
И новые создать Аѳины
Къ подножію Екатерины.

*

Постой, кровавый богъ, постой!
Щедротъ и милостей Царицѣ,
Носящей громъ въ Своей десницѣ,
Любезенъ подданныхъ покой;
Славянъ увѣнчанны потомки
Давно насытились побѣдъ,
Давно уже войною громки,
И славой удивили свѣтъ.
Екатерина побѣждаетъ,
Но лаврамъ миръ предпочитаетъ.

*

Любезно міру Божество
Межь царствъ постановляетъ горы,
И отъ Царей гоня раздоры,
Преображаетъ естество.
Днестровыя струи катятся
Межь новыхъ радостныхъ луговъ,
И въ щастливой судьбѣ чудятся
Окружныхъ диву береговъ,
Гдѣ Понтъ шумя, среди отрады,
Несетъ въ Лиманъ богатствъ громады.

*

Татарскихъ ордъ унылый край,
Гдѣ степь не орошали воды,
И въ грубой дикости народы
Скитались межь звѣриныхъ стай,
Уже, простря свои границы
Во внутрь Ѳракійскихъ дальнихъ волнъ,
Подъ скиптромъ Россія Царицы
Является устройствомъ полнъ,
И гдѣ скрывался волкъ въ пустынѣ,
Тамъ храмъ воздвигнутъ Музъ богинѣ.

*

Краса и честь земныхъ Владыкъ!
Создательница новой Трои!
Тобой возставленны герои
Уже святятъ Твой тамо ликъ,
Противнымъ въ страхъ, своимъ въ отрады,
Въ надежду, силу, торжество.
Во образъ древнія Паллады
Ты будешь Россовъ Божество;
И естьли Музъ умолкнутъ хоры,
Хвалу Твою воскликнутъ горы.

СТАНСЫ.

Кто Царства новыя, порабощаетъ троны,
Изъ тотла рабскаго кто подданныхъ извлекъ,
Кто зиждетъ новые въ Россiи Геликоны,
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

*

Кто далъ отечеству премудрые законы,
Блаженство общее кто собственнымъ нарекъ,
Кто новый кажетъ блескъ всеедневно отъ короны,
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

*

Кто грозныя извлекъ изъ бурныхъ водъ препоны,
Кѣмъ радостнѣе Мста, плавнѣе Днѣпръ потекъ,
Для блага подданныхъ кто розлалъ милiоны,
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

*

Кто страшные врагамъ устроивъ легiоны,
Какъ твердою стѣной отечество облекъ,
На сушѣ и моряхъ поставилъ обороны,
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

*

Придите въ Сѣверъ къ намъ Гомеры и Мароны!
Здѣсь Музамъ храмъ отверзстъ, здѣсь щастливъ человѣкъ,
Здѣсь Милость царствуетъ, здѣсь кроткiя законы,
Придите! поите вы Екатеринанъ вѣкъ!

СТИХИ

ВЕЛИКОЙ МОНАРХИНѢ

1.

Кто блаженство наше строитъ,
И въ сердца намъ радость льетъ?
Кто насъ высишъ и покоитъ,
Удивляя цѣлый свѣтъ?
Титловъ Ей придать не знаютъ,
Но согласно восклицаютъ,
Оставляя имена,
Восклицаютъ всѣ: Она.

2.

На моряхъ простретъ десницу,
Гдѣ лишь вѣтры могутъ дуть,
Иль побѣды колесницу
Во иной направитъ путь.
Титловъ Ей, и проч.

3.

Съ именемъ своей Паллады,
Россъ на сушѣ, на волнахъ,
Рушитъ ли стихій преграды
И враговъ приводитъ въ страхъ.
Титловъ Ей, и проч.

4.

На Кавказъ ли, иль къ Полночи,
На брегахъ Дунайскихъ водъ
Обратимъ мы наши очи,
Чтобъ побѣдъ увидѣть плодъ.
Титловъ Ей, и проч.

5.

Вы, которыхъ лѣтъ превратны
Измѣнили древню кровь,
Однородны намъ Сарматы,
Кто васъ днесь щастливитъ вновь?
Титловъ Ей, и проч.

6.

Кто являетъ намъ щедроту
Благотворнѣйшихъ Царей,
И къ трудамъ бодритъ охоту
Подчиненныхъ и властей?
Титловъ Ей, и проч.

7.

Снисходя къ усердной волѣ,
Краситъ наши торжества
Божество ли на престолѣ,
Или образъ Божества?
Титловъ Ей, и проч.

СТИХИ

КЪ МУЗАМЪ НА ЦАРСКОЕ СЕЛО.

Въ пріятныхъ сихъ мѣстахъ,
Оставивъ нѣкогда суетъ житейскихъ бремя,
Я съ лирой проводилъ отъ дѣлъ оставше время,
И мысль моя текла свободно во стихахъ (*).
О Муза! естьли ты своимъ небеснымъ даромъ
Могла животворить тогда мои черты,
Наполни мысль мою подобнымъ нынѣ жаромъ,
Чтобъ Сарскаго села представить красоты;
Великолѣпіе чертоговъ позлащенныхъ,
Которыхъ гордый верхъ скрывается межъ тучь;
Различный видъ гульбищь, садовъ и рощь сгущенныхъ,
Гдѣ лѣтомъ проницать не смѣетъ солнца лучь.
Екатеринѣ тамъ послушны элементы,
Порядокъ естества стремятся превзойти:
Тамъ новые водамъ открылися пути,
И славныхъ Росскихъ дѣлъ явились монументы.
Въ ихъ славу Древность тамъ
Себѣ воздвигла храмъ
И пишетъ бытія временъ неизчислимыхъ,
Какія видѣлъ свѣтъ
Въ теченье нашихъ лѣтъ.
При множествѣ чудесъ, уму непостижимыхъ,
Представивъ, Муза, мнѣ пріятности садовъ,
Гульбищи, рощи, крины,
Забыла наконецъ намѣренье стиховъ
И всюду хочетъ пѣть дѣла Екатерины.

(*) Сочинитель, живъ въ Сарскомъ селѣ въ 1765 году, сочинилъ тамъ Поэму, извѣстную подъ титуломъ: *Блаженство Народовъ.*

СТИХИ

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ РАЗНЫХЪ НОВЫХЪ РУСКИХЪ КОМЕДІЙ.

Отечество любя,
Являть ему пути спокойства, щастья, славы;
Смягчая грозные и грубые уставы,
Пріятность съ пользою мѣшать въ свои забавы;
Забавами желать людскіе править нравы,
Другимъ желаніемъ людей не оскорбя,
Не суть ли то дѣла достойныя Тебя?

НАДПИСИ.

I.

Коронъ и скипетровъ блестяща суета
Покроется временъ пучиной;
Но вѣчность будетъ чтить въ нетлѣніи лѣта,
Прославленны Екатериной.

II.

Россія, се твое прямое торжество:
Вмѣщая ты въ себѣ Россіянъ Божество,
Иль паче отъ него пріемля всѣ законы,
Являешь храмы намъ Минервы и Беллоны.

СТИХИ

НА СЛУЧАЙ БРАЧНАГО ТОРЖЕСТВА
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,
ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ПАВЛА ПЕТРОВИЧА
И ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
НАТАЛІИ АЛЕКСѢЕВНЫ

въ 1773 году.

~~~~~~~~

Ужель Россійскою Палладой
Поверженъ вновь ея злодѣй?
Весь міръ питается отрадой
Торжественныхъ въ Россіи дней.
Я слышу пѣсни вкругъ поются,
Весельи восхищаютъ умъ;
Народны плески раздаются,
И разныхъ восклицаній шумъ.
Но что за богъ предсталъ видѣнью,
И сладки чувства льетъ во кровь!
Онъ нову жизнь даетъ творенью,
Даетъ въ природѣ зрѣть любовь.
Онъ, легкими тряхнувъ крылами,
На городъ сей направилъ путь:
И вѣтры бурными устами
Вокругъ его не смѣютъ дуть.
Колчанъ его мнѣ сталъ опасенъ
И страшенъ напряженной лукъ;
Какъ Ангелъ, съ виду онъ прекрасенъ,
~~~~~~~~

Но стрѣлъ за плечми кроетъ пукъ.
Онъ двѣ стрѣлы пустилъ злашыя,
Я страхъ откинулъ, видя ихъ;
На сихъ стрѣлахъ слова свяшыя
Явились вдругъ въ очахъ моихъ:
Любовь два сердца зажигаетъ
Огнемъ, пріятнымъ Небесамъ:
Наталью съ Павломъ сопрягаетъ,
Въ залогъ блаженства симъ странамъ.

СТИХИ

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

И БЛАГОВѢРНОЙ ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ,

ПРОИЗШЕДШЕЕ ВЪ 26 ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ 1776 ГОДА.

О Муза, любящая славу
Екатерининыхъ побѣдъ!
Теки, Ея подобно нраву,
Тишайшей радости во слѣдъ.
Оставь прешедши звуки бранны,
Повсюду лавромъ увѣнчанны,
Пой новый щастія залогъ.
Она, сугубя щастье наше,
Днесь тѣмъ, что есть въ природѣ краше,
Величитъ царственный чертогъ.

*

Она престолъ Свой утверждаетъ
Союзомъ истинныхъ добротъ,
Да вѣчной славою блистаетъ
Ея любезный Россамъ плодъ.
Въ дому ея надежда, радость,
Краса, пріятность, разумъ, младость
И нѣжность тающихъ сердецъ,
Во Павлѣ нынѣ и въ Маріи

Являютъ радостной Россіи
Ея желанія вѣнецъ.

*

Но кое Божество снисходитъ
И пѣснь остановляетъ вдругъ?
Какое зрѣніе приводитъ
Въ восторгъ къ нему влекомый духъ?
Любовь и съ нею купно смѣхи,
Пріятства, игры и утѣхи,
Составя радостный соборъ,
Отъ мѣстъ унылость отгоняютъ,
Сердца весельемъ наполняютъ,
Гдѣ только ихъ прострется взоръ.

*

Ихъ красный сонмъ поспѣшно вьется,
Гордясь Богинею своей;
Ихъ гласъ веселый раздается
По всѣмъ мѣстамъ, подвластнымъ Ей:
Сей гласъ изъ всей [illegible]
Но паче Россамъ онъ пріятенъ:
Да повторяютъ оный гласъ
Поля, лѣса, брега и воды,
И Нимфъ сплетенны хороводы
Да движутъ къ пѣнію Парнассъ.

*

Богиня радостно срѣтаетъ
Супруговъ нѣжную чету:
Въ обоихъ зритъ и почитаетъ
Души и тѣла красоту;
Крѣпитъ Ихъ вѣрность увѣнчанну
И клятву Ихъ, предъ трономъ дану,
Залогомъ чтитъ пріятныхъ дней;
Россіянъ радостные лики

И ихъ торжественные клики
Чтитъ жертвой, приносимой Ей.

*

Обѣтъ супружней сей любови
Народовъ щастье соплететъ,
О отрасли высокой крови!
Внемлите сей святой обѣтъ.
Онъ свойственъ паче и приличенъ
Тому, кто въ свѣтѣ возвеличенъ
Отмѣнной духа высотой.
Любить взаимственно другъ друга,
Есть щастіе земнаго круга:
Для подданныхъ примѣръ святой.

*

Се тако Павелъ къ намъ вѣщаетъ,
Союзомъ симъ связуя насъ;
Подобнымъ чувствомъ наполняетъ
Супругу сей священный гласъ:
„Возлюбимъ купно, до родитель.
„Да будетъ Богъ и свѣтъ свидѣтель,
Передъ престоломъ Павелъ рекъ:
„Да будетъ тѣмъ, рекла Марія,
„Да будетъ щастлива Россія!“
Сей гласъ въ концы земли протекъ.

*

О день для насъ благословенный!
Источникъ истинныхъ утѣхъ!
О верхъ блаженства вожделѣнный,
Вводящій въ свѣтлу радость всѣхъ!
И се богатая Помона
Съ зеленаго низходитъ трона,
Плоды свои повергнувъ къ намъ.
Природа вся соединенно,

Зря наше щастіе безцѣнно,
Довольство сыплетъ по странамъ.

*

Не сель умовъ высокихъ свойство,
Чтобы искать подобныхъ Имъ?
О Павелъ! Ты души спокойство
Нашелъ исканіемъ такимъ;
Любовь, Тебѣ вручая стрѣлы,
Тебя въ далекіе предѣлы
Изъ нѣдръ отечества влекла,
И Твоему предстaвя взору
Тебя срѣтающую Флору;
Твою побѣду изрекла.

*

Любовь межъ Вашими сердцами
Прекрасно зрится Божество,
И щастья Вашего вѣнцами
Днесь выситъ наше торжество.
Въ семъ радости обширномъ полѣ,
Минерва Росска на престолѣ,
Подастъ Вамъ благости примѣръ.
Мы просимъ, чтобы Царь вселенной,
На Васъ и плодъ Вашъ намъ безцѣнной
Десницу щедрую простеръ.

СТИХИ

НА СЛУЧАЙ, КОГДА
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА,
ГОСУДАРЬ ЦЕСАРЕВИЧЬ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЬ
И ГОСУДАРЫНЯ, ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА
УДОСТОИЛИ ПОСѢТИТЬ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ ВЪ ОКТЯБРѢ 1776 ГОДА.

Живится Храмъ Наукъ, ликуетъ Музъ соборъ,
Сопразднующихъ имъ зря Павла и Марію,
Великаго Петра благотворящій взоръ
Едва ознаменилъ ученіемъ Россію,
Минерва въ Сѣверѣ являетъ днесь Востокъ,
Распространяя честь намѣреній Петровыхъ;
И гордая Нева, шумя въ брегахъ лавровыхъ,
Стремится помрачить ключей Кастальскихъ токъ.

ОДА

НА СЛУЧАЙ КОРОНОВАНІЯ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА
И ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,
Сентября 15 дня 1801 года.

Взведи, Россія, окрестъ очи
На сонмъ твоихъ веселыхъ чадъ,
На новый свѣтъ въ странахъ Полночи,
На новый вѣкъ среди отрадъ.
Вездѣ торжествъ срѣтая лики
И радостные внемля клики,
Вѣщай во всѣ земли края,
Вѣщай, съ восторгомъ вдохновеннымъ,
Подъ скипетромъ благословеннымъ
Твоихъ видѣній бытія.

*

Подъ кровомъ легкимъ и прозрачнымъ,
Въ лучахъ свѣтящъ Божества,
Не духъ ли зрю надъ доломъ злачнымъ,
Отъ временнаго существа
Спѣшащій въ свѣтъ неугасимый?
Иль вѣстникъ, облакомъ носимый,
Летитъ съ превыспреннихъ круговъ
По земноводному эѳиру,

Провозвѣстить отрады міру
Отъ власти Бога всѣхъ боговъ?

*

Какъ солнце, теплоту пріятну
Приноситъ онъ въ Полночный край,
Простря десницу благодатну,
Повсюду простираетъ рай;
Лице къ Россіи осклабляетъ,
Надъ нею путь остановляетъ!
О Ангелъ! что явилъ ты намъ?
Се тѣнь, се духъ Екатерины
Небесныхъ радостей съ вершины
Нисходитъ къ Росскимъ торжествамъ!

*

О! естьли горнихъ совершенство
Съ земными можно сравнять,
Какое сладкое блаженство
Предстало духъ Ея плѣнять!
Ея Питомецъ благотворный
Пріемлетъ скипетръ ратоборный,
И Царствамъ тишину даритъ!
Пріемлетъ полну власть державы,
И, для правдивой въ жизни славы,
Права свободными творитъ!

*

Взлагаетъ на себя порфиру
Царя могущаго въ Царяхъ,
И вкупѣ обѣщаетъ міру
Простерть свободу на моряхъ!
Пріемлетъ праотцевъ корону,
И, сердца слѣдуя закону,
Совмѣстно пріобщаетъ къ ней,
Что краше создалъ всѣхъ Содѣтель,
Боготвориму добродѣтель,
Во образѣ четы своей!

*

Внемли во области ѳеирной
Веселыхъ Музъ сословный гласъ :
Елисаветѣ кроткой, мирной
Вѣнцы давно судилъ Парнассъ.
И естьли что любезнѣй свѣту,
Когда течетъ въ едину мету
Ума и сердца доброта ?
Когда престолы возвышаетъ,
И ихъ собою украшаетъ
Къ вѣнцамъ рожденная чета ?

*

Красуйся въ горнихъ, тѣнь священна,
Безсмертнымъ бытіемъ межъ насъ !
Красуйся, много кратъ блаженна!
Твой духъ въ Потомкахъ не угасъ ;
Твои черты, Твои законы,
Крѣпящіе права и троны
Даются Россамъ въ вѣчный даръ
И чтутся во святыню храмовъ,
Гдѣ, паче жертвъ и ѳиміамовъ,
Признанія пылаетъ жаръ.

*

Да умолчитъ чудесна древность,
Подъ прахомъ золъ, терзавшихъ свѣтъ!
Щастливаго народа ревность
Лобзаетъ памятники лѣтъ,
Межъ многими вѣковъ кругами,
Блестящихъ вѣчными хвалами,
Изчезла гордость пирамидъ,
Гдѣ славы честь была забыта;
Но вѣчно добродѣтель Тита
Вездѣ въ подсолнечной гремитъ.

*

Въ кругахъ всевѣчныхъ стройной сферы,
Въ законахъ мудрыхъ естества
Преходятъ, падаютъ химеры,
Призраки чужды существа.
Могуществъ коловратныхъ страхи
Не суть ли тѣни, или прахи,
Ничтожные въ пространствѣ лѣтъ?
Едина добродѣтель въ мірѣ,
Въ простой одеждѣ иль въ порфирѣ,
Ручаетъ намъ правдивый слѣдъ.

*

Изъятъ отъ многія печали,
Съ какимъ величіемъ Сіонъ
Вписуетъ въ новыя скрижали
Щедротъ и кротости законъ (*)!
Церковну исправляя требу,
Священство днесь, въ моленьяхъ къ Небу,
Съ Давидомъ радостно поетъ:
Да вкупѣ Царь возвеселится,
И въ вѣки царствій да продлится
Его храненія завѣтъ.

*

И се народовъ миріады,
Ликующихъ среди отрадъ,
Къ Питомцу Россія Паллады
Спѣшатъ отъ странъ въ престольный градъ;
И естьлибъ то возможно было,
Къ чему желанье всѣхъ стремило,
Текли бы всѣ вмѣститься тамъ,
Ко сладостямъ очей плѣненныхъ,
Отъ поприщъ самыхъ отдаленныхъ,
Въ единый домъ, въ единый храмъ.

*

(*) *Манифестъ о священнослужителяхъ.*

Воззри на сонмъ сыновъ избранныхъ,
Гдѣ должная къ Царямъ любовь,
Въ союзахъ чести постоянныхъ,
Питаетъ ревностную кровь;
Питаетъ духъ, чрезъ многи лѣта,
Потомковъ древняго Афета,
И ставя въ главный свой удѣлъ
Безцѣнну совѣсти свободу,
Печется дать отличность роду
Достоинствомъ отличныхъ дѣлъ.

*

Подобно древу лѣтъ глубокихъ,
Когда его густая тѣнь
Вѣнчаетъ всходы мѣстъ высокихъ
И прохлаждаетъ знойный день;
Своимъ покрываломъ богатымъ
Даетъ убѣжище пернатымъ
Отъ грозныхъ бурь и хищныхъ тратъ;
Иль земледѣлецъ утомленный
И путникъ, сна въ ночи лишенный,
Когда подъ нимъ покоясь спятъ.

*

Въ его покровѣ, рощъ окружныхъ
Пріемлютъ возрастъ древеса,
Подъ тѣнями кустовъ содружныхъ
Точится плодная роса.
Весна свою зелену ризу,
По влажному простерши низу,
Пестритъ различіемъ цвѣтовъ;
Плодами многихъ жизнь питаетъ,
И въ полномъ блескѣ представляетъ
Прекрасну матерь всѣхъ вѣковъ.

*

Не таколь власть богоземная,
Въ пространствѣ отраслей своихъ,
Уставу Неба подражая,
Въ едино составляетъ ихъ?
Порода и даровъ богатство
Не тако ли блюдутъ собратство
Среди превратностей временъ?
Не тако ли законовъ узы
Крѣпятъ полезные союзы
И вкупѣ щастіе племенъ?

*

О вы щастливые потомки
Отличныхъ въ древности мужей,
Которыхъ памятники громки
Проникли въ роды поздныхъ дней!
Стяжая ихъ заслугъ ограду,
Не выль стяжаете награду,
Достигнувъ ихъ плоды вкушать?
Не вамъ ли предлежитъ отнынѣ,
Въ дарованномъ свободномъ чинѣ(*)
Ихъ дѣлъ начатки довершать?

*

Се Истина законы пишетъ,
Щедрота съ нею предсѣдитъ;
Достоинство въ свободѣ дышетъ,
Пороки исправляетъ стыдъ.
Жестокихъ ужасъ истязаній
И срамъ позорныхъ наказаній,
Отверженыхъ отъ олтаря,
Пріемлютъ кротости примѣры,
Подъ сѣнью благотворной Вѣры
И скиптромъ кроткаго Царя.

*

(*) *Манифестъ о Дворянахъ.*

Ещелѣ, въ войнѣ съ разсудкомъ здравымъ,
Мутитъ Европу буйный умъ?
Еще ли Марсъ мечемъ кровавымъ
Въ народахъ множитъ браней шумъ,
Гдѣ жертвами земля устлана,
И гдѣ пучина Океана
Вооружаетъ бездну водъ?
Туда ли обратишъ набѣги,
Гдѣ землю вѣчно кроютъ снѣги
И гдѣ весны невѣдомъ плодъ?

*

Но кто съ верховъ небесъ гремящихъ
Въ спокойный сходитъ смертныхъ долъ,
И въ кровахъ, правдою блестящихъ,
Надежно ставитъ свой престолъ?
Ѳемида снова здѣсь рождаетъ,
Иль паче, въ вѣки утверждаетъ
Довольствъ и радостей часы (*);
Уже могущею рукою
Склоняетъ къ общему покою
Свои правдивые вѣсы.

*

Простри вокругъ, богиня, взоры
Ко храму свѣтла торжества,
Гдѣ царствъ смиряются раздоры
Предъ кроткимъ ликомъ Божества:
Гдѣ вольность ей приноситъ дани,
И факелъ кроволитной брани
Гаситъ на вѣчны времена;
Гдѣ честность правоту лобзаетъ,
И мирны пользы разсыпаетъ
На всѣ грядущи времена.

*

(*) *Часы породились отъ Юпитера и Ѳемиды, по Баснословной Исторiи.*

Источникъ общаго богатства,
Торговый промыслъ разныхъ странъ,
Уже безъ страха и препятства
Преходитъ дальній Океанъ;
Уже суда, сокровищъ полны,
Балтійски разсѣкаютъ волны,
Средь радостной бреговъ молвы.
Нерей являетъ нову славу,
Воздвигнувъ новую державу,
Въ струяхъ спокойныя Невы.

*

О естьли ревности сердечной
Возмогутъ силы отвѣчать,
Минуты жизни скоротечной
Потщимся славою вѣнчать.
Въ Россіи новые Невтоны
Покажутъ естества законы
И новыхъ откровеній плодъ.
Питомцы Эйлера примыслятъ,
И точнымъ правиломъ изчислятъ
Свѣтилъ союзъ и оборотъ.

*

Бюфоны, Геснеры, Линнеи
Натуры нѣдра обнажатъ,
И скрытыя богатства Реи
Петровъ украсятъ древній садъ.
Колумбы, Куки, Магеланы,
Пройдутъ въ далеки Океаны,
Гдѣ новый скрытъ Архипелагъ;
И ревность Россовъ надъ водами,
Гдѣ холодъ угрожаетъ льдами,
Возвѣетъ А л е к с а н д р о в ъ флагъ.

*

Но днесь щастливыя науки.
И съ ними купно Геликонъ,
Святятъ, и имъ соплещутъ руки,
Святятъ Екатерины тронъ,
Гдѣ ввѣки правда воцарится,
И ввѣки мудрость водворится
И оградитъ покровомъ насъ.
Да сбудется, гласятъ народы,
Да сбудется отъ рода въ роды
Желаній нашихъ общій гласъ!

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ПОРТРЕТЪ

РОССІЙСКАГО ПОЛКОВОДЦА.

Когда твой блещетъ мечь въ полкахъ,
Ты сыплешь сопротивнымъ страхъ;
И гдѣ героевъ ободряешь,
Вездѣ побѣды ускоряешь.

*

Во славѣ почестей, въ вѣнцахъ,
Ты ищешь мзды твоей въ сердцахъ;
Высокость титловъ забываешь
И ихъ собою украшаешь.

*

Размѣривъ вѣки на вѣсахъ,
Въ твоихъ покойнѣйшихъ часахъ,
Ты осчастливить всѣхъ желаешь
И всѣмъ довольство раздѣляешь.

*

Въ бесѣдахъ, въ дружескихъ пирахъ,
Въ забавахъ, въ праздничныхъ играхъ,
Ты цѣну жизни ощущаешь
И скуки въ смѣхи превращаешь.

*

Когда Піитъ въ простыхъ стихахъ,
Забывъ твореній многихъ прахъ,
Плететъ хвалы тебѣ, прощаешь
И ихъ дѣлами возвышаешь.

СТАНСЪ

КЪ МИХАИЛУ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ.

Творецъ прехвальной Россіады,
Любитель и любимецъ Музъ,
Твой гласъ, подъ скипетромъ Паллады,
Удобенъ множитъ ихъ союзъ.

*

На лирѣ ли когда брящаешь
Екатеринины дѣла:
Сердца ты сладко проницаешь,
Святится праведна хвала.

*

Желаешь ли ты править нравы:
Перо твое являетъ намъ
Священны Нумины уставы,
За даръ щастливымъ временамъ.

*

Пильпаи, Федры, Лафонтены
Тебѣ могли бы подражать;
Во храмъ ли вступишь Мельпомены,
Ты можешь страсти возбуждать.

*

Пастушькиль игры, или смѣхи,
Иль сельску славишь простоту:
Являешь новы въ ней утѣхи,
Поя природы красоту.

*

Гнушаясяль когда порокомъ,
Желаешь добродѣтель пѣть:
Твой умъ, въ теченіи широкомъ,
Нигдѣ не можетъ укоснѣть.

*

Твоимъ плѣняясь стихотворствомъ,
И пѣть тобою ободренъ;
Къ совѣту твоему упорствомъ
Мой разумъ не былъ отягченъ.

*

Привержен къ Музѣ справедливой,
Я чувствовалъ во времена,
Что стыдно быть безплодной нивой,
Гдѣ пали добры сѣмяна.

*

Но лишь къ Парнассу приближаюсь,
Страшусь Піитовъ я суда;
И въ пѣсняхъ скоро утомляюсь,
И тщетнаго бѣгу труда.

*

Коль судишь ты меня нестрого,
Воспримешь ревность вмѣсто дѣлъ;
Хоть пѣть тебя не могъ я много,
Но чувствовалъ когда я пѣлъ.

СТАНСЪ

КЪ Л. Ѳ. М.

~~~~~~~~

Соборъ Парнасскихъ сестръ мнѣ кажетъ прежню лиру:
Пріятно вспоминать во осень лѣтъ весну;
Я вновь хочу воспѣть иль Хлою, иль Темиру,
Не смѣю лиру взять, въ свирель играть начну.

*

Пускай мое перо ихъ прелести представитъ,
Меня воспламенитъ ихъ пѣть сама Любовь...
Темираль, Хлоя ли стихи мои составитъ,
Я чувствую, увы! что въ жилахъ стынетъ кровь.

*

Не примутъ дани сей ни Хлоя, ни Темира,
Одна и та равно прелестна, хороша;
Въ побѣдахъ красоты, во всѣхъ забавахъ міра:
Скучна живетъ любовь, гдѣ страстна лишь душа.

*

Но сей ли только путь Піитамъ узаконенъ?
Пиши сатиры ты, мнѣ Муза говоритъ:
Ко оскорбленію людей мой умъ несклоненъ,
И нравы исправлять не мнѣ принадлежитъ.

*

За слово невзначай разсердятся другіе,
И острые умы припишутъ слову толкъ:
~~~~~~~~

Загадки Сфинксовы возникнутъ въ дни златые,
Гдѣ гласъ лжемудрости давно уже умолкъ.

*

Не дѣлавъ людямъ зла и имъ желая блага,
Словами острыми невинно досаждать,
Прилична можетъ быть во младости отвага,
А въ зрѣломъ возрастѣ прилично разсуждать.

*

Но внемля гласу Музъ, не буду я безгласенъ:
Что пѣть, у множества народовъ вопрошу:
О тъ бытности вещей мой будетъ стихъ прекрасенъ,
Екатерину я на лирѣ возглашу.

*

Иной вѣщаетъ мнѣ: она, прервавъ препоны,
Изъ дикихъ прихотей умъ общества творитъ,
И благонравія и кротости законы,
Къ незыблемому всѣмъ спокойствію, даритъ.

*

Другой, красясь мечемъ, побѣдой увѣнчаннымъ,
Сторично за нее желаетъ кровь пролить,
И всюду съ мужествомъ и сердцемъ постояннымъ,
Ревнуя, ищетъ самъ враговъ ея разить.

*

Взводя усердный взоръ на Павла и Марію,
И въ отрасляхъ отъ нихъ породу чтя боговъ,
Иной поетъ сто кратъ щастливую Россію,
Блаженство странъ ея счисляетъ въ кругъ вѣковъ.

*

Другой обремененъ нещастною судьбою:
Прибѣгну я подъ кровъ Минервы, говоритъ,
Речетъ: прейдутъ бѣды; онъ видитъ предъ собою
Минервы Россія божественный эгидъ.

*

Но въ ревности Ея щедротой воспаленной,
Кто хочетъ болѣ знать, коль гласъ Парнасскій малъ,
Пускай пространнѣе вопроситъ у вселенной
Она дополнитъ то, что кратко я сказалъ.

СТАНСЪ

КЪ ДИМИТРІЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЛЕВИЦКОМУ.

Левицкой! начертавъ Россійско Божество,
Которымъ седмь морей покоятся въ отрадѣ;
Твоею кистью ты явилъ въ Петровомъ градѣ
Безсмертныхъ красоту и смертныхъ тор-
жество.
Желая подражать Парнасскихъ сестръ союзу,
Воззвалъ бы я, какъ ты, себѣ на помощь Музу
Россійско Божество перомъ изобразить;
Но Аполлонъ его ревнуетъ самъ хвалить.

СТИХИ

НА ДАЧУ, НАЗЫВАЕМУЮ КРАСНАЯ МЫЗА, 1775 ГОДА.

Болота превратить въ прекрасные луга,
Извлечь изъ нѣдръ земли ключи потоковъ чистыхъ,
Повсюду взоръ привлечь на тропки, на брега,
Явить во всей красѣ пріятность рощь тѣнистыхъ:
Гуляющимъ дарить веселье и покой,
Такихъ блаженныхъ мѣстъ чудесное начало
Въ старинны времена богамъ принадлежало,
Но нынѣ строится Нарышкиныхъ рукой.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ МЫСЛИ

НѢКОТОРАГО ФРАНЦУЗСКАГО ПИСАТЕЛЯ.

Неблагодарны человѣки!
Вотще Судьбу вините вы,
Что тако крапки ваши вѣки,
Что вы родились таковы.
Въ своихъ стремленьяхъ безразсудны,
Вы въ свѣтѣ только жизнью скудны;
Стараясь ону сократить,
И разточая всюду время,
Сугубите свое лишь бремя,
Въ желаньяхъ смерть предупредить.

ПИСЬМО

ПОСЕЛЯНИНА КЪ БОЕНАЧАЛЬНИКУ.

Мой другъ! не удивись, что въ пахатной работѣ,
Безъ свѣтскихъ пышностей, безъ славы, безъ чиновъ,
Питая свой животъ въ смиреніи и въ потѣ,
И нѣсколько минутъ покоясь отъ трудовъ,
По нѣкимъ чувствіямъ и нѣкакой охотѣ,
Отважился писать я нѣсколько стиховъ.
Не удивись, когда въ усталости надъ плугомъ,
Не зная, какъ тебя назвать и отличать,
Въ мужицкой простотѣ, зову тебя я другомъ
Чтобъ труднымъ вымысломъ тебя не величать.
Мой другъ! я вѣдаю, хоть носишь платье цвѣтно —
Хоть золотомъ обшитъ отъ головы до ногъ —
Хоть щастіе твое другимъ всегда примѣтно,
Ты рѣдко съ лаврами покоиться возмогъ.
И, можетъ быть, что я, въ миру съ моимъ сосѣдомъ,
Большею частію трудяся для себя,
Спокоенъ спать ложась, доволенъ за обѣдомъ,
Почасту нахожусь щастливѣе тебя;
Въ сей участи меня никто не обижаетъ:
И зависть самая молчитъ, узря мой трудъ;
Никто меня, мой другъ, никто не унижаетъ,
По волѣ дань плачу, или съ меня берутъ;
Всегда моя рука другаго снабдеваетъ,
И люди обо мнѣ напраснаго не врутъ.
Я далъ оброкъ и все, и подать Государю,
Я далъ и рекрута и къ рекруту коня;
И въ домѣ я теперь покойно рѣпу парю:
Хоть знаю, что еще попросятъ отъ меня.

Ты знаешь, что мой сынъ въ войнѣ два года
служитъ
И ходитъ, говорятъ, съ прострѣленной
ногой;
Однако съ Турками воюетъ и не тужитъ,
Пока безногаго не пошлютъ на покой.
Солдатски хлопоты, оброкъ и подать вдвое
Не разоряютъ насъ при добрыхъ головахъ;
Кони и рекруты, то дѣло нажитое,
Удалые у насъ ребята есть въ домахъ.
Готовы мы служить за правду и за Вѣру,
И, буде нужно, то готовы умереть.
Ты, другъ мой, служишь самъ по нашему
примѣру,
Случается и всѣмъ грудьми рожонъ переть,
Инымъ пришло въ животъ, инымъ досталось
въ руку,
У Марки сватьина отшибли ногу прочь,
Гараськинымъ зятьямъ, племяннику и внуку
Стесали головы, зашедши сзади въ ночь:
И самъ ты близко былъ, какъ шли на насъ
Татары,
И самъ ты жаръ терпѣлъ отъ ядеръ и отъ
пуль:
И естьлибъ не имѣлъ фузей запасной пары,
Подчасъ отвѣдалъ бы и самъ свинцовыхъ дуль.
Солдатамъ страха нѣтъ и нѣтъ о томъ печали,
Что Турковъ къ нимъ идетъ великое число,
Отъ смерти не бѣжимъ, отъ драки не устали;
Такое, братъ, у всѣхъ военно ремесло.
Да только я скажу одно тебѣ по дружбѣ,
Коли смышлять о томъ тебѣ досуга нѣтъ:
Мой умъ не помраченъ заботами на службѣ;
Я, сидя на печи, спокойнѣй вижу свѣтъ,
Смышляю иногда, что много ты потѣешь.

Но нѣтъ тебѣ, мой другъ, покоя никогда:
Ты грамотѣ горазд и дѣло разумѣешь,
Почтожъ о мирѣ ты не пишешь никуда?
Не все-то дракою, не все творится боемъ:
Имѣешь разумъ ты, и слово, и языкъ, —
Не все-то города берутся крѣпкимъ строемъ,
Не все-то межъ людьми по силѣ ты великъ.
Почто не пишешь ты къ Турецкому Султану
Примѣрно такъ, мой другъ, какъ я къ тебѣ пишу?
Подмогою тебѣ впередъ служить я стану,
И здравія тебѣ у Господа прошу.

ОТВѢТЪ

А. А. ПАЛИЦЫНУ.

Усердный читатель твой взываетъ Апол-
лона;
Взываетъ Музъ отъ Геликона,
Сказать тебѣ въ отвѣтъ, сколь я тебя люблю.
Но естьли риѳмою то слабо изъявлю,
Пусть чувствія мои замѣнятъ недостатокъ,
Гдѣ слогъ мой будетъ слабъ и краткокъ;
И только тѣмъ не погрѣшу,
Что стихъ твой у себя я въ сердцѣ напишу.

ПѢСНЬ

ХРАБРАГО ШВЕДСКАГО РЫЦАРЯ

ГАРАЛЬДА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

1.

По синимъ по морямъ на славныхъ кораб-
ляхъ
Я вкругъ Сицилію объѣхалъ въ малыхъ дняхъ,
Безстрашно всюду я, куда хотѣлъ, пускался;
Я билъ и побѣждалъ, кто противъ мнѣ встрѣ-
чался.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка Русская велитъ мнѣ брестъ домой.

2.

Я въ самой юности, имѣя храбрый духъ,
Дронтгеймскихъ жителей гонялъ, какъ будто
мухъ:
Хоть было мало насъ, а ихъ гораздо болѣ,
Король и силы ихъ легли на ратномъ полѣ.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка Русская велитъ мнѣ брестъ домой.

3.

Въ нещастномъ плаваньи, въ нещастный
самый часъ,
Когда на кораблѣ шестнадцать было насъ,
Когда разилъ насъ громъ, въ корабль лилося
море,
Мы воду вылили, забывъ и грусть и горе.
Не я ли молодецъ, *и проч.*

4.

Во всемъ искусенъ я, могу съ гребцами грести,
На лыжахъ выслужилъ себѣ отмѣнну честь;
Скакать на лошади и править я умѣю,
Копье бросаю въ цѣль, на битвахъ не робѣю.
Не я ли молодецъ, *и проч.*

5.

Не ужели она забыла то себѣ,
Каковъ бываю я въ бою или въ борбѣ?
Забыла ли она, какъ, стоя на пекетѣ,
Моею храбростью у всѣхъ бывалъ въ примѣтѣ?
Не я ли молодецъ, *и проч.*

6.

Я знаю на землѣ военно ремесло;
Но воду возлюбя и возлюбя весло,
За славою лечу я мокрыми путями;
Норвежски храбрецы меня боятся сами.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка Русская велитъ мнѣ брести домой.

СТИХИ

КЪ КЛИМЕНѢ.

Тотъ щасливъ, кто богатъ и кто имѣетъ честь,
Тотъ щасливъ, у кого притомъ здоровье есть
Я все то безъ тебя, Климена, ненавижу;
А щасливъ въ тѣ часы, когда тебя я вижу:

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Всечасно страсть моя, Климена, возрастаетъ;
Одна ты царствуешь въ желаніяхъ моихъ;
Но, ахъ! въ твоей душѣ любовь не обитаетъ,
А только лишь она видна въ глазахъ твоихъ.

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Младенецъ нѣжной богъ не ищетъ громкой славы;
Онъ ищетъ тишины, свободы и забавы,
И любитъ онъ летать по щасливымъ мѣстамъ.
Его жилище тамъ,
Гдѣ царствуютъ веселья, смѣхи,
Гдѣ игры и утѣхи,
И гдѣ присутствуешь, Климена, только ты,
Тамъ все находитъ онъ въ природѣ красоты.
Твой милой взглядъ ему пріятнѣйшая пища,

Твое желаніе законъ.
Здѣсь храмъ его и тронъ:
Въ побѣдахъ веселится онъ,
Вздыхаю только я среди его жилища.
Климена! научись чувствительною быть.
Никто не избѣжалъ любовной страсти,
И всѣ подвержены любовна бога власти.
Климена! научись любить.
Напрасно ты любовь, не зная, охуждаешь:
Узнала бы своей ты цѣну красоты,
Когда бы въ сердцѣ то почувствовала ты,
Что въ прочихъ возбуждаешь.

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Пріятна молодость тебя, Климена: учить,
Что долженъ нѣжности умъ гордой уступить.
Противяся любви, онъ только сердце мучитъ:
Прекрасныя на то родятся, чтобъ любить.
Подвергнуться любви ни мало не безславно,
Безъ оной были бы безплодны красоты;
Подвергнуться, тебѣ я вижу, что не нравно,
Но бывъ побѣждена, найдешь побѣду ты.

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Чтобъ щастливымъ намъ быть,
Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
А ты люби меня за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

ИДИЛЛІЯ

БѢЛЫМИ СТИХАМИ.

На что въ поляхъ ни взглянешь,
Со мною ты въ разлукѣ,
Ты всемъ меня вспомянешь,
Любезная пастушка.
Тебѣ покажетъ утро
Тоски моей начало;
И днемъ, когда освѣтило
Лучь огненный низпуститъ,
Ты, чувствуя жаръ въ полдни,
Представь, что жаръ подобный
Я чувствую, влюбяся.
Не солнцемъ я сгараю,
Любовь рождаетъ пламень
Въ моемъ плѣненномъ сердцѣ;
Любовью я сгараю,
Любя Кларису страстно.

Тебѣ представитъ вечеръ,
Какъ послѣ пастьбы стадо
Пойдетъ назадъ къ покою,
Что въ самое тожъ время,
Отъ грусти утомившись,
Я въ снѣ ищу покоя.
Ищу его я тщетно;
Печальнымъ вображеньемъ
Я также въ снѣ терзаюсь.
Я тѣ слѣды цѣлую,
Гдѣ шествовали ноги
Драгой моей пастушки.

Роса тебѣ представитъ
Мои въ разлукѣ слезы.
Когда услышишь хоры
Поющихъ сладко птичекъ,
Представь себѣ, Клариса,
Что тѣ поющи птички
Оттуда прилетѣли,
Гдѣ я, съ тобой въ разлукѣ,
Грущу и воздыхаю.
Онѣ моихъ мученій
Свидѣтелями были,
И жалобы нещастны
Онѣ мои внимали:
Теперь во оныхъ пѣсняхъ
Мой голосъ повторяютъ,
Мои слова вѣщаютъ,
Что я люблю Кларису,
И вмѣстѣ ощущаютъ
Онѣ со мною горесть,
Оплакивая вмѣстѣ
Мою нещастну долю.

Когда Зефиръ повѣетъ,
Его дыханье слыша,
Клариса, ты воспомни,
Что я, какъ онъ, вздыхаю.
Но онъ безмѣрно щастливъ:
Онъ, дуя, прохлаждаетъ
Твои красы прелестны,
И легкостью своею
Всѣмъ прелестямъ касаясь,
Тебя цѣлуетъ нѣжно,
Всегда благополученъ;

А я его нещастнѣй,
Вздыхаю отдаленно,
Вѣрнѣй его и страстнѣй.
Другую онъ цѣлуетъ
И на другую дуетъ;
Какъ скоро отлучится,
И сердце всеминутно
Имѣетъ онъ невѣрно.
Но я не премѣняюсь
Съ тобою и въ разлукѣ,
Люблю тебя безмѣрно.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

СТИХИ.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛІЯНСКИМЪ.

О грозная минута!
Прости, драгая Ниса!
Я буду жить въ разлукѣ;
Но какъ я буду жить!
Всегда въ тоскѣ я буду:
Прошли мои забавы,
Прошли. . . И кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

*

Съ тобою разлучившись,
Я мысли устремляю
Во слѣдъ тебѣ, драгая,
И тѣмъ питаю духъ.
Вездѣ умомъ съ тобою,
Вездѣ тебя я вижу,
Вездѣ. . . Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

*

Въ поляхъ, въ лугахъ и въ рощахъ
Кричу, зову я Нису;
Но лѣсъ не отвѣчаетъ,
Гдѣ скрылась Ниса, гдѣ.
Съ зари до темной ночи,
Зову тебя повсюду,
Зову. . . Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

*

Безъ пользы обращаюсь
Я къ тѣмъ мѣстамъ пріятнымъ,
Гдѣ былъ благополученъ,

Когда съ тобою былъ.
На что я взоръ ни вскину,
Я рвусь, тебя лишь вспомня,
Я рвусь. . . Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

*

На сихъ брегахъ зеленыхъ,
За малую досаду,
Ты прежде разсердилась,
Но сжалилась потомъ.
Мы вмѣстѣ здѣсь ходили,
А здѣсь лежали вмѣстѣ,
Ахъ! здѣсь. . . Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

*

А естьли и узнаю,
Гдѣ кроешься ты нынѣ.
И естьли вновь представлю
Тебѣ мою любовь:
За всю любовь и вѣрность,
Могу ль я быть увѣренъ,
Могу ль. . . И кто увѣритъ,
Что любишь ты меня?

*

Жалѣй о мнѣ, коль знаешь
Мои сердечны муки,
Жалѣй о мнѣ, коль можешь
Ты чувствовать любовь.
Хоть я съ тобой разстался,
Люблю тебя въ разлукѣ,
Люблю. . . Но кто увѣритъ,
Что любишь ты меня?

ЭКЛОГА.

~~~~~~~

Уже осенніе морозы гонятъ лѣто,
И поле, зеленью пріятною одѣто,
Теряетъ прежній видъ, теряетъ всѣ красы;
Проходятъ радости, проходятъ тѣ часы,
Въ которы пастухи средь рощей обитали.
Уже стада ходить на пасству перестали,
И миновалася пріятность прежнихъ дней,
Когда предвозвѣщалъ Аврору соловей,
На зыблющихся пѣлъ сучкахъ и утѣшался,
И голосъ одного по рощамъ раздавался.
Не лѣтній дождь идетъ, и не изъ прежнихъ тучь;
Свѣтило съ высоты пускаетъ слабый лучь.
Холодный дуетъ вѣтръ, Зефиръ уже не вѣетъ;
Летитъ съ деревьевъ листъ, и вянетъ и желтѣетъ.
Вчера овецъ погнавъ, уже въ послѣдній разъ
Кларису я узрѣлъ, о часъ, пріятной часъ!
Но лѣто кончилось и пасству пресѣкаетъ,
И вмѣстѣ съ нимъ моя свобода утекаетъ.
Клариса день одинъ со мной овецъ пасла,
Но навсегда мою свободу унесла.
Я чувствую въ себѣ; но что? и самъ не знаю;
Кларису я любить сердечно начинаю.
Что думать ни начну, я думаю объ ней,
Нейдетъ Клариса вонъ изъ памяти моей.
Люблю, и видѣть я хочу ее всечасно:
Разстаться съ нею мнѣ . . . и мыслить то ужасно.
Не льзя изобразить, что я безъ ней терплю,
Какъ только что ее сердечно я люблю.
~~~~~~~

Пріятно чувствовать, и мыслить то пріятно:
Ахъ! естьлибъ ей любви желанье было вняпно!
Пріятнѣй и того мнѣ съ нею говорить.
Увидя разъ ее, не можно позабыть.
Пойду за нею въ слѣдъ, она живетъ у рѣчки,
Скажу, что наши тамъ смѣшалися овечки;
Что въ стадѣ двухъ иль трехъ своихъ не нахожу,
А между тѣмъ я ей и болѣе скажу;
И можетъ быть, найдемъ другія мы причины,
Чтобъ видѣться всегда съ Кларисой безъ скотины.

~~~~~~~
~~~~~~~

ЭЛЕГІЯ

НА СМЕРТЬ ГАЛАТЕИ.

О смерть! не ужасай меня, внемли мой
гласъ,
И будь чувствительна къ прошенію въ сей
часъ;
Мнѣ помощь отъ тебя единой остается:
Ничѣмъ моя напасть другимъ не пресѣчется.
О боги щедрые! льзяль жизнью то назвать,
Когда ни малой въ ней утѣхи не видать, —
Терзаться, воздыхать въ любови безполезной;
И быть погребену чрезъ смерть своей любе-
зной?
О Галатея! всѣхъ была прекраснѣй ты. ...
Когда я зрѣлъ твои цвѣтущи красоты,
Я всѣхъ щастливѣй былъ, покамѣстъ рокъ
презлобной
Не покаралъ меня утратой безподобной.
Увы! дражайшая, ужь клятва тщетна та,
Которую твои пріятныя уста
О бракѣ будущемъ твердили мнѣ всечасно:
Ихъ смерть разрушила, мы льстилися на-
прасно.
Надежда сладкая! пріятнѣйшій предметъ,
Любезная краса! тебя на свѣтѣ нѣтъ:
И брачныя свѣщи любящихся сердечно
Богъ брака погасилъ для насъ съ тобою вѣчно:
Утѣхи, коими мой прежде льстился духъ,
Съ тобой, любезная, разрушилися вдругъ.
Прошли забавы всѣ, забавы невиновны,
Объятія, слова, вздыханія любовны;
Послѣдующи дни ужь ихъ не возвратятъ.

Гдѣ прелести твои? гдѣ твой пріятной
взглядъ?
Пучина водъ на вѣкъ красы твои сокрыла,
Которыми тебя природа одарила.
Жестокой богъ морей твой вѣкъ не пощадилъ,
Какъ будто я богамъ любовью досадилъ.
Толь лютую бѣду предчувствовалъ я прежде:
Какъ ты отъѣхала, я въ робкой былъ надеждѣ
И трепеталъ, предзря напасти таковы.
Ты мнѣ пришла сказать: прости, прости, увы!
Простился я на вѣкъ, тебя лишившись вскорѣ:
Тебя отъ глазъ моихъ свирѣпо кроетъ море.
Почто ты отплыла отъ оныхъ береговъ?
Нептунъ! за что ко мнѣ толико ты суровъ?
Драгое бытіе водами поглощенно:
Все стало для меня печально и смущенно.
Восплачьте вы со мной лѣса, ручьи, поля,
Восплачь и ты, восплачь возлюбленна земля,
Которая была во дни щастливы нами
Предъ Ѳессалійскими предпочтена лугами:
Когда прекрасная ходила каждой день
Со мною отдыхать сихъ частыхъ рощь подъ
тѣнь.
Нѣжнѣйшія слова, что съ нею мы вѣщали,
Чрезъ Эхо рощи вы за нами повторяли:
Мы всякой часъ его производили вновь,
И всякой часъ тогда гласилась тамъ любовь.
Но Галатеи нѣтъ уже на свѣтѣ нынѣ:
Тѣ самыя мѣста подобятся пустынѣ,
Гдѣ прежде безъ забавъ не проходило дня,
Гдѣ все весельями дышало для меня.
Уже въ сіи луга она не придетъ вѣчно
Взаимно изъявлять мнѣ чувствіе сердечно,
Не будетъ ужь Зефиръ, наполненъ сладкихъ
думъ,

Съ дыханіемъ ея соединять свой шумъ.
Онъ съ жалобой журчитъ, что жизнь прошла
драгая,
Воспомня, какъ игралъ, вокругъ ея летая,
То къ верху подымалъ онъ волосы, то вилъ,
То въ ревности покрыть прелестну грудь
спѣшилъ.
Онъ, сѣтуя, теперь въ пустомъ летаетъ
полѣ,
И воздухъ оныхъ мѣстъ не прохлаждаетъ
болѣ.
Унывной слышенъ шумъ тамъ вмѣсто нѣжныхъ
словъ,
Которы къ зависти привесть могли боговъ.
Смутитеся ключи, біющи быстро воду,
И премѣнитесь дни прохладны въ непогоду,
Увяньте муравы и на древахъ листы,
Изсохните вокругъ развѣсисты кусты!
Погибнетъ пусть въ землѣ цвѣтовъ прекра-
сныхъ сѣмя;
И ты, рѣка, оплачь свое щастливо время:
То время, какъ мы съ ней, гуляя въ сихъ
лугахъ,
Лежали на твоихъ зеленыхъ берегахъ,
Любовнымъ пламенемъ и нѣжностію полны,
И нашимъ радостямъ завидывали волны.
Наяды не могли проплыть тогда сей брегъ:
Удерживали здѣсь стремительной свой бѣгъ.
Казалось имъ, гдѣ ты, пріятнѣй тамо воды;
Онѣ тамъ видѣли красу всея природы,
И уступая волнъ текущихъ быстринѣ,
Неволею отсель неслись ко глубинѣ.
Оплакивайте вы драгую, очи, вѣчно;
Любовь, нѣжнѣйшій жаръ, пыланіе сердечно,
Лишите навсегда мои оставши дни:

Льстить горести моей вы будете одни.
Въ отчаяньи сію утѣху я имѣю.
Что буду въ мысляхъ звать всечасно Галатею.
Жилищемъ будутъ мнѣ пусть темные лѣса;
Благоуханныхъ мѣстъ изчезнетъ пусть краса,
Ни въ пестрыхъ сихъ лугахъ, ни въ рощахъ ароматныхъ
Не будетъ для меня предметовъ ужь пріятныхъ.
Свидѣтельствуйте всѣ мѣста мою печаль;
Неси мою тоску по рощамъ, Эхо, вдаль,
Стени и повторяй мой гласъ по всякомъ словѣ,
Чтобъ слышался мой стонъ и вопль по всей дубровѣ;
Ко облегченію тоски моей презлой,
Вѣщай, вѣщай моей ты имя дорогой.

~~~~
~~~~

ОДА

ВЪ ЧЕСТЬ КРАСОТѢ.

Краса насъ щастія на самой верхъ возноситъ,
И сами боги чтятъ въ созданьи красоту.
О жизнь! когда ты сонъ, продли сію мечту,
Продлись, о сладкой сонъ, пока насъ смерть не скоситъ,
И насладиться дай пріятностьми ее,
Пока не обратитъ ихъ смерть въ небытіе.

*

Иль только понимать свои нещастья ясно
Всесильны Небеса насъ въ свѣтъ произвели,
И утѣшенья нѣтъ для смертныхъ на земли;
Престанемъ размышлять о томъ, что намъ ужасно,
Изыщемъ способы ко облегченью бѣдъ,
Оставимъ по себѣ мы сладкой жизни слѣдъ.

*

Когда мы цѣлой вѣкъ не можемъ наслаждаться,
Потщимся хоть продлить пріятность сихъ минутъ,
Безъ возвращенія которы протекутъ;
И чтобъ раскаяньемъ впослѣдокъ не терзаться,
Пусть нашихъ радостей кратчайшіе часы
Составятъ сладку жизнь, пока цвѣтутъ красы.

ДРУГАЯ ОДА,

СЪ ТѢМИ ЖЕ РИѲМАМИ,

ПРОТИВЪ КРАСОТЫ.

Тщетно свѣтъ всегда - - возноситъ,
Тщетно славитъ - - - - - - красоту:
Въ ней мы видимъ лишь - - - - мечту;
Смерть иль старость ону - - - скоситъ,
Время прелести - - - - - - - - - ее
Обратитъ - - - - - - - въ небытіе.

*

Естьли мы разсмотримъ - - - ясно,
Что красы - - - - - - - - произвели:
Узримъ брани - - - - - - - - на земли
И отмщеніе - - - - - - - - - ужасно;
Узримъ тысячи тамъ - - - - - бѣдъ,
Гдѣ мы ихъ увидимъ - - - - - - слѣдъ.

*

Тщетно чаемъ - - - - - - наслаждаться
Лестнымъ ядомъ сихъ - - - - минутъ
Кои скоро - - - - - - - - протекутъ
И принудятъ насъ - - - - - терзаться
Въ долгіе потомъ - - - - - - - - часы
Изчезающей - - - - - - - - - красы.

СТИХИ,

ТРОЯКО СОЧИНЕННЫЕ НА ОДНѢ ЗАДАННЫЯ РИѲМЫ.

I.

Что есть всему Творецъ, сомнѣнья не - - имѣю:
Мнѣ сердце говоритъ - - о Немъ;
Но инако любить я Бога не - - - умѣю,
Какъ только въ ближнемъ лишь - - моемъ.

II.

Не мучусь, естьли я богатства не - - - имѣю,
Хоть долженъ я пещись - - о немъ;
Коль милою любимъ: спокойнымъ быть - - умѣю
Въ посреднемъ житіи - - - моемъ.

III.

Влюбяся я въ тебя, спокойства не - - имѣю,
И потерявъ покой, хотя грущу - - о немъ;
Но возвратить его, Клариса, не - - умѣю,
Пріятность находя въ мученіи - - моемъ.

ПѢСНИ.

I.

Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ;
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ:
Въ деревнѣ всѣ мои подружки
Разумны стали другъ отъ дружки;
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ. 2.

*

Пригожей всѣ меня зовутъ:
Мнѣ надобно подумать тутъ,
Какъ должно въ полѣ обходиться,
Когда пастухъ придетъ любиться;
Мнѣ надобно подумать тутъ. 2.

*

Онъ скажетъ: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю,
И тѣжъ ему скажу три слова,
Въ томъ нѣтъ урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2.

*

Мнѣ случай этотъ вовсе новъ,
Не знаю я любовныхъ словъ;
Попроситъ онъ любви задатокъ:
Что дать? не знаю я ухватокъ;
Не знаю я любовныхъ словъ. 2.

*

Далабъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;
И, чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ не льзя разстаться;
Мнѣ посохъ надобенъ самой. 2.

*

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирелки также нужны мнѣ;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мнѣ. 2.

*

Я помню, какъ была мала,
Пастушка поцѣлуй дала:
Неужьли пастуху въ награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцѣлуй дала? 2.

*

Какая прибыль отъ того,
Я въ томъ не вижу ничего:
Не станетъ вѣрить онъ обману,
Когда любить его не стану;
Я въ томъ не вижу ничего. 2.

*

(Любовь, владычица сердецъ,
Какъ быть, научитъ наконецъ;
Любовь своей наградой платитъ
И даромъ стрѣлъ своихъ не тратитъ;
Какъ быть, научитъ наконецъ. 2.)

*

Пастушка говоритъ тогда:
Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду;
Пускай пастухъ придетъ сюда. 2.

II.

Много розъ красивыхъ въ лѣтѣ,
Много бѣленькихъ лилей,
Много есть красавицъ въ свѣтѣ,
Только нѣтъ мнѣ, нѣтъ милѣй,
Только нѣтъ милѣй въ примѣтѣ
Милой дорогой моей.

*

Естьлибъ самъ Амуръ былъ съ нею,
Онъ ее бы полюбилъ;
Позабылъ бы онъ Психею
И себя бы позабылъ:
Щастливъ участью своею,
Вѣкъ остался бы безъ крылъ.

*

Въ ней пріятны разговоры,
Въ ней любезна поступь, видъ;
Хоть привлечь не чтится взоры,
Взоры всѣхъ она плѣнитъ;
Хоть нейдетъ съ другими въ споры,
Но вездѣ любовь живитъ.

III.

У рѣчки птичье стадо
Я съ утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.

А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

*

Подъ кустикомъ лежала
Однешинька млада,
Устала я, вздремала,
Вздремала отъ труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

*

Подъ кустикомъ уснула,
Глядя по берегамъ;
За кустикъ не взглянула,
Не видѣла, кто тамъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

*

За кустикомъ таяся,
Иванушка сидѣлъ,
И тамо, мнѣ дивяся,
Сквозь вѣточки глядѣлъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

*

Онъ вѣточки и травки
Тихохонько склонилъ;
Прокрался сквозь муравки,
Какъ будто тутъ онъ былъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

*

Почасту вѣтерочикъ
Дулъ платьице на мнѣ;
Почасту тамъ кусточикъ
Кололъ меня во снѣ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

*

Мнѣ снилося въ то время,
Что ястребъ налетѣлъ
И птеньчика отъ племя
Въ глазахъ унесть хотѣлъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

*

Отъ ястреба поймала
Я птеньчика сквозь сонъ:
Я птеньчика прижала,
Прижался также онъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

*

Сонъ грозной не собылся:
То былъ лишь сонный страхъ;
А въявѣ очутился
Иванушка въ рукахъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра,
А гуси-то га, га, га, га,
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

СТАРИНА,

НЕ НАПЕЧАТАННАЯ.

Темира нѣкогда велѣла
На голосъ пѣсенку сложить;
Темира съ жалобою пѣла,
Что скучно безъ любови жить.

*

Тебялъ бѣжитъ любовь, Темира?
Амуръ, услышавши, сказалъ.
Тебѣль скучать печальми міра?
Тебѣ я лукъ и стрѣлы далъ.

*

Я скукамъ запретилъ касаться
Тобой украшеннымъ мѣстамъ;
Гдѣ ты желаешь утѣшаться,
Вездѣ присутствую я самъ.

*

Твоей улыбкой ободренна,
Природа вся смѣется вкругъ:
Твоимъ весельемъ возхищенна,
Сама печаль запляшетъ вдругъ.

ПРІЯТНОСТЬ

ПРОСТОЙ ЖИЗНИ.

Трудящійся судья!
Уставъ отъ должностей заботливаго чина,
Приди покоиться въ гостяхъ у селянина,
Гдѣ мирны дни ведетъ щастливая семья;
А чтобъ такое диво
Не возмогло тебѣ представиться за лживо,
Спроси у всей семьи спокойныхъ дней секретъ,
И вотъ тебѣ въ отвѣтъ:
„Во время нашего досуга,
„Не затрудняемъ мы другъ друга
„Дѣлами свыше насъ;
„Хоть дѣлъ другихъ не охуждаемъ,
„А только разсуждаемъ,
„Какъ лучше сдѣлать намъ на круглый годъ запасъ,
„Къ простому вся дни пиру.
„Кто хочетъ ссориться, того склоняемъ къ миру,
„Дая разсудку полну мочь;
„Отъ споровъ мы отходимъ прочь,
„Коварныхъ насъ оставить просимъ,
„И жалобъ въ люди не приносимъ,
„Себя не ставимъ во Святыхъ:
„Имѣемъ слабости, имѣемъ недостатки,
„Объ нихъ болтаемъ безъ украдки,
„Не трогая чужихъ.
„Своихъ, межь шутокъ, мы безъ желчи критикуемъ,

„Не мысля зла другимъ, какъ лучше жить, толкуемъ.
„Бѣжимъ ловящихъ насъ похвалъ;
„И естьли иногда, подъ часъ, изъ доброй воли,
„Придетъ Фортуна къ намъ откушать хлѣба, соли,
„Мы ради тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ."

СТИХИ

НА ДРУЖБУ.

Безъ дружбы человѣкъ себя особо зритъ,
Пустыннику подобенъ,
Которой жизнь влачитъ,
Къ утѣхамъ не способенъ;
Но дружбою свое
Мы множимъ бытіе.
О дружба, даръ небесный!
Тобою щасливы на свѣтѣ мы,
Тобою кроткіе умы
Чувствительныхъ сердецъ союзъ узнали тѣсной.
Тишайшее пристанище души,
О дружба! наконецъ, ты стихъ мой доверши,
И будь толико въ немъ любезна,
Колико ты полезна.

КЪ МОЕМУ ДРУГУ.

Мой другъ! не вѣдаю, какому чуду вѣрить,
Коль съ Музами меня желаешь сочетать.
Ты слабый мой талантъ по чувству друж-
бы мѣрить,
Иль власть твою во мнѣ желаешь испытать.
Не буду говорить, что въ жизни всяко время
Свое имѣетъ бремя,
Что Музамъ я себя не ставлю въ женихи,
Тебѣ въ угодность я хочу писать стихи.

СТИХИ

НА ПОСЛОВИЦУ:

Не всякая любовь свершается бѣдой.

Хорошу женщину, въ ряду съ людьми
честными,
Полюбитъ молодой,
Полюбитъ и старикъ, хотябъ онъ былъ сѣдой;
Оттоль пословица родилась межь простыми:
Не всякая любовь свершается бѣдой.

СТРАХЪ ЛЮБВИ.

О сильной богъ любви!
Желалъ бы я, чтобъ ты сказалъ моей прекрасной,
Какой безмѣрной жаръ я чувствую въ крови,
И чтобъ ты мнѣ помогъ въ моей любви нещастной;
Но трепещу, ея представя красоты,
Чтобъ мой повѣренной, мнѣ къ горшему нещастью,
Не воспылалъ, какъ я, подобною къ ней страстью:
Ты скажешь, что не я люблю, а любишь ты.

ОПАСНОЙ СЛУЧАЙ.

Купидо нѣкогда, въ присутствіи прекрасной,
Къ своимъ побѣдамъ пукъ ковалъ любовныхъ стрѣлъ:
Въ тотъ часъ ужасной
Работу бога я сего вблизи смотрѣлъ.
Онъ искрами меня со всѣхъ сторонъ осыпалъ;
Жаръ въ кузницѣ его вкругъ воздухъ такъ разжогъ,
Что въ страхѣ былъ и самъ сей богъ.
Уже изъ рукъ его разженной молотъ выпалъ;
Хотѣлъ отъ жару наконецъ
Летѣть къ красавицѣ любовныхъ стрѣлъ кузнецъ;
Но мимо онъ огня летѣлъ неосторожно:
Сгорѣли крылья тамъ его,
И далѣ ужь летѣть ему не стало можно,
Какъ лишь до сердца моего.

ЗАКОНЪ.

Ктобъ ни былъ ты таковъ, гдѣ хочешь ты живи,
Не убѣжишь любви;
Уставу общему ты долженъ быть причастенъ.
Для всѣхъ такой законъ уставилъ богъ сердецъ:
Ты былъ, иль есть теперь, иль будешь наконецъ
Ему подвластенъ.

РЕЦЕПТЪ БОЛЬНОМУ.

Когда любовной богъ пріемлетъ въ сердцѣ царство,
Разсудокъ слабое противъ него лѣкарство:
Имѣетъ оный богъ и силу и коварство.
Когда своей стрѣлой поранитъ онъ кого,
Ничто не изцѣлитъ, кромѣ лѣкарствъ его.

ВКУСЪ ВОЗ Р

Игрушки свойственны во время первыхъ лѣтъ,
И свойственно любить, когда любить прилично;
А умными тогда бываемъ мы обычно,
Какъ свѣтъ оставитъ насъ и мы оставимъ свѣтъ.

УМѢРЕННОСТЬ.

Доволенъ жизнью я моею;
А утверждаетъ въ ней мое блаженство то:
Когда чего я не имѣю,
Я то считаю за ничто.

ПОНЕЖЕ.

Понеже говорятъ подъячіе въ приказѣ:
Понеже безъ него не можно имъ прожить,
Понеже слово то показано въ указѣ,
Понеже въ выпискѣ оно имѣлось быть,
Понеже секретарь имъ сдѣлался въ заразѣ,
Понеже слѣдуетъ вездѣ его гласить,
Понеже состоитъ вся сила въ ихъ понеже,
За тѣмъ и не живетъ у нихъ *понеже* рѣже.

ДЕНЬГИ.

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; но что за сила
тянетъ
Къ богатству всѣхъ людей? Безъ денегъ щастье
вянетъ,
И жизнь безъ нихъ скучна, живи хотя сто
лѣтъ;
Пока твой вѣкъ минетъ, бѣда! коль денегъ нѣтъ.

*

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; вездѣ сіи законы,
Что деньгамъ воздаютъ и ласки и поклоны.
О деньги, деньги! васъ и чтитъ и любитъ
свѣтъ,
И каждый вопіетъ: бѣда, коль денегъ нѣтъ.

*

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; имѣя жизнь толь
кратку,
Приписывать должны мы щастіе къ достатку;
Хоть деньги множество намъ дѣлаютъ суетъ,
Однако безъ суетъ бѣда, коль денегъ нѣтъ.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Премудрость тщетная не можетъ насъ избавить
От смерти лютыя, ни сохранить отъ бѣдъ,
И не предскажетъ намъ, что будетъ съ нами впредь;
Не лучше ли сей трудъ, о смертные! оставить,
Въ которомъ пользы нѣтъ?

II.

НА САМОХВАЛЬСТВО.

Разумныя дѣла себѣ ты ставишь въ смѣхъ,
И говоришь, что ты умнѣе въ свѣтѣ многихъ:
Не спорю я съ тобой: умнѣе ты и всѣхъ,
Да только не людей, а всѣхъ четвероногихъ.

III.

НА ЗЛОРѢЧІЕ.

Хоть я браненъ вездѣ тобою,
А ты хваленъ повсюду мною,

Имѣемъ оба мы нещастьемъ общимъ то:
Ни въ первомъ, ни въ другомъ не вѣритъ намъ
никто.

IV.

БЕЗЧЕСТНАГО ПРИМѢТА.

Когда твой другъ
Радѣетъ для твоихъ услугъ,
И ты скрываешь то отъ свѣта:
Безчестнаго примѣта.
Но въ щастливой любви не эта,
Другая платится монета;
Кто оной не таитъ отъ свѣта:
Безчестнаго примѣта.

ЗАГАДКИ.

I.

Я матерью имѣю землю,
Но бытность прежде я имѣлъ;
Произходя потомъ, былъ зеленъ, сѣръ и бѣлъ;
Впослѣдокъ темной цвѣтъ пріемлю,
Затѣмъ, чтобъ могъ давать я свѣтъ,
И безъ труда меня никто не назоветъ.
Живу въ простыхъ избахъ, коль тамо могъ примѣтить,
Читатель! ты меня теперь не могъ не встрѣтить.

II.

Чтобъ могъ, читатель, ты меня именовать,
То долженъ девять буквъ различныхъ ты собрать,
Изъ коихъ естьли ты по нѣскольку убавишь,
Премножество другихъ различныхъ словъ составишь.
И можешь ты во мнѣ симъ образомъ найти,
Ту конску часть волосъ, что любимъ мы плести,
Монету, элементъ и нѣкоторо бремя,
Холодной свѣта край, горячесть нѣку, время;
Найдешь во мнѣ людей ты храбрыхъ ремесло;

Два раза ты найдешь число;
То слово, что въ простой мы рѣчи произ-
носимъ,
Когда чего мы просимъ;
И слово, кое мы въ то время произносимъ,
Какъ мы, сердясь, кого толкаемъ иль выносимъ;
И ту животную, что мы на тѣлѣ носимъ.
Найдешь ты въ буквахъ сихъ
Высокость, внутренность и низость мѣстъ
земныхъ,
Безчисленность однихъ летающихъ твореній,
Колясочную часть и часть стихотвореній.
Найдешь ты имена: того, кто крадетъ насъ,
Того, кто къ кражѣ покушаетъ,
И мѣсто страшное, куда въ послѣдній часъ
По Вѣрѣ осужденъ, кто въ свѣтѣ согрѣшаетъ;
То слово, какъ зовемъ мы ползающу тварь;
То качество, какимъ особо былъ порочень,
Когда въ Израилѣ являлся полномоченъ,
Египетской, въ волнахъ утопшій древлѣ, Царь,
И состояніе въ рожденьи человѣка,
Каковъ выходитъ онъ на свѣтъ,
И свойство, коимъ мы, въ срединѣ нашихъ лѣтъ,
Пріобрѣтаемъ честь, или хулу для вѣка.
То имя ты найдешь, что мы даемъ вещамъ,
За кои ничего, ихъ взявъ, себѣ не тратимъ;
То мѣсто, кое мы городимъ, суемъ, платимъ,
Колотимъ и клѣимъ, чтобъ то поправить намъ.
Найдешь природное оружіе скотовъ,
Растуще дерево, и нѣкотору птицу,
И нареченіе рожденныхъ отроковъ,
И мѣсто, гдѣ сушимъ мы рожь или пшеницу,
Погоду пагубную ей.
Найдешь селеніе людей,
И мѣсто праведныхъ, и то, что лѣтомъ въ полѣ

Крестьянинъ бережетъ и навѣщаетъ болѣ;
И ту роскошную пріятность наконецъ,
Которой я отецъ:
Но чтобъ родить ее, меня и жмутъ, и давятъ,
И послѣ за ничто оставятъ;
Когда же ко всему прибавишь ты одно,
Я значу сорокъ словъ и, естьли хочешь, болѣ.
Въ твоей, читатель, волѣ:
На риѳму прибирай, поставя въ первыхъ дно.

III.

На свѣтѣ межъ людьми живу
Я молча, во уединеньѣ,
И никакое размышленье
Не тяготитъ мою главу.

*

Въ покрытомъ мѣстѣ я сижу
И никогда не вижу свѣту,
На мнѣ одежды тамо нѣту,
Оттуда вонъ не выхожу.

*

Готовое я пью и ѣмъ;
Нѣтъ нужды собирать богатства,
И дружбы не ищу, ни братства,
Во всю мою тамъ жизнь ни съ кѣмъ.

IV.

Весь вѣкъ мой въ юности цвѣтетъ,
И никогда не умираю;
Но развѣ кто меня убьетъ,
То жизнь мою оканчиваю.

ЭПИТАФІИ.

I.

ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ РУБАНУ.

Плѣняся образомъ Отечества Отца,
Достойно онъ достигъ Парнасскаго вѣнца (*);
И болѣ бы еще отъ славы увѣнчался,
Когда бы завсегда подобнымъ обольщался.

II.

Подъ камнемъ симъ лежатъ, покоясь вѣчнымъ сномъ,
Тѣла любовниковъ, что другъ для друга жили,
И другъ для друга смерть равно они вкусили:
Законы то винятъ, а Вѣра чтитъ грѣхомъ;
Но чувство насъ влечетъ ихъ вѣрностью плѣняться
И строгой разумъ въ томъ не смѣетъ изъясняться.

(*) Имѣвъ талантъ стихотворенія, онъ особо славенъ извѣстною надписью къ конной статуѣ, воздвигнутой на берегу Невы Матерію Отечества Отцу Отечества.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ БАСНИ.

I.

ТЩЕСЛАВІЕ.

Всѣ люди изстари не чтутъ за правду
сказки,
А ложь употреблять привыкли для прикраски.
Что слышалъ отъ людей я сказываю тожъ:
Коварные сплетая ложь,
Другихъ обманомъ уязвляютъ;
А добрые въ добро ее употребляютъ.
Кто хочетъ, вѣрь тому; кто хочетъ, хоть
не вѣрь,
Я сказочку начну теперь:
Коза съ рожденія Медвѣдя не видала
И не слыхала,
Что есть такой на свѣтѣ звѣрь;
Но храброю себя повсюду называла
Хотѣла показать геройскія дѣла,
И слѣдственно была
Смѣла:
Однако на словахъ, а не на дѣлѣ,
Геройскихъ дѣлъ ея не зналъ никто доселѣ;
И, по ея словамъ, Самсонъ и Геркулесъ
Немного передъ ней подѣлали чудесъ.
Причиналь, говоритъ, увидѣться съ Медвѣ-
демъ?
Тотчасъ туда поѣдемъ,
И въ доказательство пошла, не медля, въ лѣсъ,
Пошла Коза на драку:
Такъ бодро Телемакъ не оставлялъ Итаку,

Такъ храбро Ахиллесъ не шелъ противъ
Троянъ,
Великой Александръ, съ побѣдой Персіянъ,
Въ толикой пышности не возвращался въ
станъ.
Идетъ и говоритъ, чтобъ дали ей дорогу.
Идетъ коза къ мерлогу,
И приближается смотрѣть:
Незнаемъ ей Медвѣдь.
Увидѣла, что съ нимъ лежитъ ея подружка,
И думала, у нихъ великіе лады:
Пошла туда Коза, не знаючи бѣды.
Худая съ нимъ игрушка;
Неугомоненъ сталъ сосѣдъ,
Для гостьи кинулъ онъ обѣдъ;
А гостья въ шутку то не ставитъ,
Что жестоко ее Медвѣдь за горло давитъ.
Не хочетъ ужь Коза гостить
И просится, чтобъ быть, по прежнему, на
волѣ;
Клянется, что къ нему ходить не станетъ
болѣ,
Когда онъ отъ себя изволитъ отпустить.
Коза Медвѣдя не обманетъ,
Онъ сдѣлалъ, что она ходитъ къ нему не
станетъ,
За тѣмъ, что съ мѣста ужь не встанетъ.
Не лучшель было бы, когдабъ моя Коза,
Не пуля въ лѣсъ глаза,
Жила безъ храбрости въ покоѣ?
А смѣлость только быть должна въ прямомъ
героѣ.

II.

НЕУМѢРЕННОСТЬ.

Всякъ ищетъ лучшаго, на томъ основанъ
свѣтъ;
А нуженъ иногда къ терпѣнью намъ совѣтъ.
Въ Сибирѣ холодно, въ Китаѣ больше прѣютъ,
И люди то сносить умѣютъ.
Но, Муза, далеко меня ты занесла:
Въ Китаѣ побывать, и побывать въ Сибирѣ,
Подалѣ, нежели отсюдова въ Каширѣ,
И надобно туда дорогамъ быть пошире.
Поближе я найду въ примѣръ такой Осла:
Мужикъ, пастушья ремесла,
Гонялъ на кормъ сію скотину,
И выбралъ лучшую долину.
Долина у рѣки, трава была густа,
И близки отъ двора хозяйскаго мѣста:
На что же далеко носить ему дубину?
А на другомъ краю рѣки,
Паслись Быки
У пастуха Луки;
Казалося туда пути не далеки.
Ихъ кормомъ мой Оселъ прельстился:
Прискучило ему давно
Ѣсть каждой день одно,
И переправиться однажды покусился,
Къ Быкамъ пустился:
Да та бѣда,
Что не было туда
Сухой дороги,
А надлежало плыть; въ болотѣ вязнуть ноги.
Рѣка

Была топка.
Кричитъ пастухъ и стонетъ,
Увидя, что Оселъ въ болотѣ тонетъ.
Онъ мнилъ, что глупую скотину воплемъ тронетъ;
Однако мой Оселъ
На крикъ пастушій не смотрѣлъ.
И на срединѣ
Увязъ по горло въ тинѣ.
Оселъ
Въ болотѣ сѣлъ?
Раздумалъ ѣхать въ гости,
И былъ бы радъ
Отправиться назадъ;
Но порывался онъ хотя сто кратъ,
Хотя пастухъ въ него металъ каменья въ злости,
Отчаянъ былъ его возвратъ.
Къ чему представленъ здѣсь Оселъ, увязшій въ тинѣ?
Легко поймешь, читатель, силу словъ:
Великія стада найдешь такихъОсловъ,
Которые, своей противяся судьбинѣ,
Пускаются въ опасной путь,
Дабы сыскать тамъ что нибудь,
И часто на пути принуждены тонуть.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ПАСТУХА ВЪ РѢКУ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ БОЛОТА.

Клариcу зря съ высокихъ горъ,
Алципъ близь чистыхъ водъ, въ долинѣ,
И зря ея несклонный взоръ,
Пенялъ за то своей судьбинѣ,
Что каждой день Кларису зритъ,
И каждой день въ тоскѣ страдаетъ;
Что плѣнной духъ она томитъ,
Пріятныхъ дней его лишаетъ.
Клариса каждой день въ водахъ
Приходитъ мыться, обычайно;
И каждой день Алципъ въ кустахъ
Прельщается Кларисой тайно.
Не смѣетъ къ строгой подступить,
Не смѣетъ ей въ любви открыться,
Чтобъ гнѣвъ любовью не купить,
И всей надежды не лишиться.
Любовью робкою смущенъ,
Боговъ онъ проситъ неотступно,
Чтобъ былъ онъ въ рѣку превращенъ,
Надѣясь быть съ любезной купно,
Когда Клариса къ тѣмъ водамъ
Придетъ нагая обмываться,
Ко всѣмъ онъ будетъ красотамъ
Своей любезной прикасаться.
Боговъ онъ втунѣ упросилъ,
Его надежда обманула:
Когда Алципъ рѣкою былъ,
Клариса въ оной утонула.
Алципъ сто разъ судьбину клялъ,
Что ею такъ наказанъ грозно;
И втунѣ смерти онъ желалъ:

Сіе желанье было поздно,
Водамъ не можно умирать;
Лишь только, безъ своей любимой,
Въ тоскѣ осталось изсыхать
И въ горести неутомимой,
Гдѣ прежде лилъ прозрачной токъ,
На мѣстѣ томъ болото нынѣ;
Мутится тамъ всегда песокъ,
И шумъ ключей умолкъ въ пустынѣ.
Но естьли въ берегъ бьетъ волной,
То, кажется, что бьетъ со вздохомъ;
Брега, какъ будто сѣдиной,
Покрылись тамо бѣлымъ мохомъ.
Уединяясь отъ людей,
Мѣста тамъ стали непроходны;
И кажутъ будто слезъ ручей,
Гдѣ видятся теченья водны.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КУПИДОНА ВЪ БАБОЧКУ.

Досадой нѣкогда Юпитеръ раздраженной,
Какъ дерзкой богъ любви ему стрѣлой грозилъ
Во гнѣвѣ яростномъ, за скиптръ пренебре-
женной,
Въ видъ бабочкинъ божка сего преобразилъ.
Вдругъ крылышки изъ рукъ явились голубыя,
Взлетѣлъ, и въ бабокку преобразился богъ:
Онъ рожки получилъ и ножки золотые;
Онъ плакать начиналъ, но плакать ужъ не
могъ.
Нѣтъ лука у него, нѣтъ стрѣлъ и нѣтъ колчана:
Побѣды всѣ его пресѣкъ ужасной рокъ.
Садится онъ на верхъ иль розы, иль тюльпана,
Перелетаючи съ цвѣточка на цвѣтокъ.
Но жалость наконецъ Юпитеръ ощущаетъ,
Видъ прежній на себя велитъ ему принять:
Не вѣчно онъ казнитъ, не вовсе онъ прощаетъ,
Чтобъ дерзкіе его страшились прогнѣвлять.
Явился паки лукъ, пріемлютъ силу стрѣлы,
И въ прежнемъ видѣ сталъ прощенный на-
конецъ:
Лишь бабочкины съ нимъ остались крылья
цѣлы,
Во знакъ, что гнѣвенъ былъ къ нему боговъ
отецъ.

Не стало съ той поры въ любови посто-
янства,
Какъ сдѣлался крылатъ продерзскій Купи-
донъ;

Ища иныхъ побѣдъ и новаго подданства,
Летаетъ съ той поры изъ сердца въ сердце
онъ.

Но вѣчно будешь жить, о богъ любви! со мною,
И навсегда мое ты сердце взялъ во плѣнъ:
Конечно я тогда пронзенъ твоей стрѣлою,
Какъ въ бабочку еще ты не былъ превращенъ?

~~~~~
~~~~~

ПРИТЧА,

СКУПОЙ.

Какую пользу тотъ въ сокровищахъ
имѣетъ,
Кто въ землю прячетъ ихъ и ими не владѣетъ?
Живетъ въ провинціи скупякъ,
И хочетъ вѣчно жить дуракъ,
Затѣмъ что предки жили такъ.
По дѣдовскому онъ примѣру
И по старинному манеру,
Имѣетъ къ деньгамъ вѣру,
Не брѣетъ никогда усовъ,
Не курчитъ волосовъ:
У прадѣда его они бывали прямы,
Которой прятывалъ всегда богатства въ ямы.
Таковъ былъ дѣдушка, отецъ и сынъ таковъ.
Когда онъ при концѣ, впослѣдки, ротъ разинулъ
Едва успѣлъ сказать женѣ,
Что деньги онъ въ землѣ покинулъ,
Въ саду, въ такой-то сторонѣ;
Но чтобъ не трогать ихъ, — онъ умеръ съ
тѣмъ завѣтомъ;
Жена, не тронувъ ихъ, простилась послѣ съ
свѣтомъ.
Вступилъ въ наслѣдство внукъ,
Но деньги тѣ еще людскихъ не знаютъ рукъ,
По завѣщанью онъ зарылъ ихъ въ землю ниже;
Какъ будто для того, чтобъ были къ чорту
ближе.

БАСНИ.

I.

ПЧЕЛЫ И ШМЕЛЬ.

Пчелино общество, съ тѣхъ поръ, какъ
созданъ свѣтъ,
Житейскихъ должностей всегда примѣромъ
было,
Всегда союзъ любило,
Всегда носило медъ.
Вблизи какихъ-то Пчелъ, пчелиной подража-
тель,
Знакомецъ иль пріятель,
Устроивши въ землѣ конурку и постель,
Работалъ также Шмель.
Куда летитъ Пчела, туда и Шмель летаетъ,
И также медъ таскаетъ.
Хорошъ такой сосѣдъ,
Который носитъ медъ;
И Пчелы, чтобъ завесть съ сосѣдомъ хлѣбо-
сольство,
Судили нарядить нарочное посольство,
Шмеля просить,
Чтобъ вмѣстѣ жить
И вмѣстѣ медъ носить.
Къ Шмелю отъ матки Пчелъ явились депу-
таты.
Послушай, говорятъ, поди ты къ намъ въ
дупло,
У насъ просторно и тепло.

Мы будемъ завсегда друзья твои и браты,
И возмемъ всѣхъ Шмелей къ себѣ изъ подземель
Я родъ пчелиный почитаю,
И вашу добродѣтель знаю,
Отвѣтствовалъ имъ Шмель:
Но въ вашемъ обществѣ живутъ не рѣдко
Трутни,
Которые творятъ и шалости и плутни:
Ихъ плутни разбирать,
Такъ время потерять.
Я знаю цѣну службы
И всей пчелиной дружбы:
Хотя же у себя тружуся я одинъ,
Но въ домѣ я моемъ свободный господинъ.

~~~~~~
~~~~~~

II.

~~~~~

СЛУХЪ И ВИДѢНІЕ.

~~~~~

Сатиръ, въ своей пещерѣ,
Желая вещи знать по вѣрѣ,
У всѣхъ летучихъ вопросилъ:
За чемъ Пчела вездѣ летаетъ?
Кузнечикъ доносилъ,
Что онъ не въ дальности отъ улья обитаетъ,
И что къ Кузнечику Пчела гудѣть летаетъ.
Спросилъ у Саранчи: въ отвѣтъ из-за плеча,
Шепча,
Сказала Саранча,
Что такъ, какъ и она, Пчела гулять летаетъ,
Спросилъ у Бабочки: летаешъ на цвѣты.
И машетъ тамъ крылами.
Спросилъ у Воробья: летаетъ на кусты,
Порхать между вѣтвями.
И каждый, наконецъ, какъ чувствовалъ иль
зналъ,
По своему сказалъ.
Сатиръ, подумавши, ко улью самъ явился.
Изъ устъ самой Пчелы вопросъ тогда рѣшился:
Ты видишь улій самъ; отвѣтъ найдешь внутри,
Приди да посмотри.

~~~~~
~~~~~

III.

ЛЕВЪ И РЕБЯТА.

Ребята на лугу играли,
Шары себѣ каmали.
Пришелъ къ игрушкамъ Левъ,
Пришелъ, и тутъ же сѣвъ:
Здорова имъ, какъ братамъ.
Онъ, лапу приподнявъ,
Вѣщаетъ такъ Ребятамъ:
Давай катать шары; кто выиграетъ, тотъ правъ.
Ребята Льву въ отвѣтъ: мы свой хранимъ уставъ.
Мы лапу львиную высоко почитаемъ,
Но родомъ, изъ вѣковъ, со Львами не играемъ.

IV.

~~~~~

ЖУРАВЛИ И КОМАРЪ.

~~~~~

Въ пути подъ облаками
Летѣли Журавли;
Въ низу, вблизи земли,
Своимъ путемъ летитъ Комаръ надъ муравами.
Комаръ, Комаръ летитъ,
Комаръ, Комаръ жужжитъ
Какъ будто равенъ съ нами!
Вскричали Журавли.
Но что Комаръ въ отвѣтъ жужжитъ надъ муравами?
Мой путь вблизи земли,
Вашъ путь подъ небесами;
Летаю и жужжу не для досады вамъ.
Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не вреденъ Журавлямъ.

~~~~~
~~~~~

V.

БАСНЯ

НА ПОСЛОВИЦУ:

Воля со мною твоя, а по правдѣ усадьба моя.

Какой-то доброй садъ,
Не вѣдаю какимъ случаемъ нажилъ славу,
Что есть въ саду подъ грушей кладъ,
И многіе твердятъ
То, въ правду иль въ забаву.
Другіе требуютъ доводовъ и примѣтъ,
Безъ коихъ вѣрной правды нѣтъ.
Родился споръ въ народѣ,
И каждый, въ мысленной свободѣ,
За споромъ бился объ закладъ,
Что есть иль нѣтъ подъ грушей кладъ.
Чтобъ въ спорѣ успокоить души,
Въ саду искоренить потребно было груши.
Безъ дѣла не въ попадъ.
Но садъ хозяину и груши нужны были;
Хозяинъ вспомнилъ то, что спорщики забыли:
,,Я съ вами, имъ сказалъ, не бился объ закладъ
,,Представлю только вамъ, что мнѣ мой; нужен садъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Страи.

Стран.

